

16+

Сергей Сураханский

ПУСТЫНЯ

Сергей Сураханский

Пустыня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67639001

SelfPub; 2022

Аннотация

О существовании этого сверхсекретного подразделения не догадываются даже высокопоставленные лица в военном ведомстве. На вооружении специального отряда глубинной разведки – самые передовые достижения науки, не известные непосвящённым. Но выполнение очередного задания идёт не так, как планировалось. Главному герою предстоит пройти через тяжёлые испытания и опасные приключения. Не покинет ли его Госпожа Удача?..

Сергей Сураханский

Пустыня

Тем, кого поминаю третьим тостом...

Зной... Выцветшее небо. Едва синее. Ни облачка!.. В зените чёрной точкой парит орёл. Высоко-высоко! Иногда он совсем исчезает, тонет в вылинявшей синеве. Говорят, орлы очень зорки. Должно быть, и этот видит сейчас всё, как на ладони. Нас – пятерых измождённых людей, бредущих цепочкой по тропе в ущелье. Видит маленькие кусты колючки. И даже вот этого тушканчика, вырвавшегося из обрушенной норки, молниеносным зигзагом мелькнувшего среди камней.

Хорошо им, тушканчикам! Они вообще не пьют воду. Влагу их организм получает из пищи. А почки работают в пять раз экономнее человеческих. С такими почками можно пить даже морскую воду, и ничего...

Что это я ударился в дебри зоологии? Ну да, всё из-за жажды. Здесь, наверное, вообще нет ничего живого. Даже мух. Такая жара!.. Просто не верится, что в этой раскалённой печи может кто-то жить. Невыносимый зной!.. Кажется, будто он физически давит на голову, плечи, мешает своими горячими пальцами нормально раскрыть глаза. Они всё время в прищуре. Лицо словно в гримасе боли, поэтому уста-

ёт. Чтобы его расслабить, нужно закрыть глаза, иначе они начинают болеть и слезиться, как будто смотришь прямо на Солнце.

Сколько можно идти?! Ноги в высоких ботинках саднят и ноют. Пот течёт по лбу и вискам, ест глаза, ручейками стекает по спине и груди, насквозь пропитывая штурмовку.

Наверное, это ущелье тянется уже часов пять. Может, меньше. Трудно ориентироваться во времени, когда видишь только сухую землю и спину идущего впереди, такого же усталого, шатающегося. Впрочем, ему, наверное, ещё тяжелей. У него пулемёт. Я бы, скорее всего, уже упал... Ремни автомата, нагрудника и ранца так передавили мышцы, что малейшая попытка оглянуться или хотя бы повернуть голову отзывается резкой колющей болью в шее и плечах. Со временем все мысли как-то замедляются, текут вяло, бессвязно...

Сердце терзает неистребимая надежда выйти к ручью. Даже не надежда, а мечта. О, какие они чистые и холодные, эти горные ручьи! Среди раскалённых добела камней с шумом несётся поток ледяной, вожделенной влаги. Как только будем переходить первый же ручей, сделаю вид, что споткнулся. С размаху ухну ничком прямо в воду. Холодные струи кристально чистой воды ударят в измождённое лицо. Пусть перехлёстывают через меня, рвутся под одежду к горячему телу, вымывают из него и уносят прочь пот, пыль и этот проклятый, убийственный зной. Знаю, вода настолько холодна, что от резкого погружения в неё в таком состоянии

может остановиться сердце. Но сейчас мне всё равно. Я сделаю именно так. Плевать!.. Даже если сдохну. Пускай! Буду пить, пить, пить...

От навязчивого бреда про горный ручей начинает трясти. Чувствую – вот-вот упаду. Нельзя! Нельзя!!! Нужно думать о чём-то другом. Да и нет впереди никакого ручья. Ещё долго не будет. По всем признакам. Перебираю в памяти приметы присутствия воды, усвоенные из уроков выживания в горно-пустынной местности. Констатирую горький факт: никакого намёка на присутствие влаги ни рядом, ни вдали... А про ту нагревшуюся воду, что так призывно плещется в моей фляге, и думать нельзя! Прикоснуться к ней можно будет только, когда Солнце спустится до белых пиков дальнего горного хребта и немного умерит свой гнев. Это, приблизительно, часа через три, не раньше.

Если же сорваться и начать пить сейчас, даже понемногу, то уже никакой силы воли не хватит, чтобы остановиться. Сделай хотя бы пару глотков, и они тут же выйдут горячим потом через поры на коже, забрав с собой даже больше, чем было выпито. Состояние организма станет ещё хуже. Начнет темнеть в глазах, трясти. Покажется, что если сейчас срочно не выпить ещё, то непременно умрёшь. И ты хлебнёшь снова. И снова... Потом фляга опустеет, а состояние будет полубморочное. Начнутся судороги. Остальным придется нести сначала твоё снаряжение, потом тебя самого. И постоянно понемногу поить из своих фляг, чтобы не умер. Но это уже

не остановить – ты выпьешь всю воду и у них. Или почти всю. А когда Солнце, наконец, склонится к вершинам гор, и наступит благословенный час ухода зноя, потрескавшиеся, иссохшие губы людей не найдут заветной мечты бесконечного дня. Воды будет мало, или не будет вовсе. И если до следующего источника останется ещё целый дневной переход, отряд окажется перед реальной угрозой гибели. Да-да, не удивляйтесь. Один из парадоксов Пустыни. Казалось бы – организм теряет много влаги на жаре – необходимо всё время пить. Но это когда вы загораете на курорте, и запас воды у вас неограничен. Пейте на здоровье. Потейте и пейте ещё. Сколько влезет. А когда весь дневной запас уместается лишь во флягу, нужно знать, когда его употребить.

Да... Сам я, как-то давным-давно, будучи молодым и неопытным, оказался в такой ситуации. Хорошо ещё, что выход был учебным! Всё закончилось лишь моим позором, но никто не погиб. Потом, понабравшись опыта, я не раз, хрипло изрыгая проклятия, поил и нёс на себе таких же зелёных новичков, каким сам был когда-то.

Но хуже всего, если отряд набредёт на ручей... Измождённые люди, едва волочащие ноги, угадав впереди воду, устремляются к ней, переходя на бег. Откуда только берутся силы?! И уже ничто – ни гневные крики командира, ни здравый смысл – не может их удержать. Люди падают в воду и пьют, пьют... А Солнце равнодушно смотрит с зенита. Теперь, если отряд двинется дальше, уйдёт прочь от про-

хлады ручья в раскалённое марево Пустыни, жестокое светило свершит над людьми мучительную казнь... Командир в такой ситуации оказывается перед тяжелым выбором: остаться на месте, сорвав своевременный выход на задачу, что зачастую равносильно гибели, или же двигаться дальше, имея в своём распоряжении уже не боевой отряд, а горстку деморализованных людей.

Как часто я, будучи уже опытным, повинаясь крику командира, бежал изо всех сил к ручью, чтобы успеть развернуться перед ним в боевую стойку. Так делали все, кто заслужил право на уважение. Мы помогали командиру, раздавая удары налетающим на нас обезумевшим новичкам, оттаскивая их от воды буквально за шиворот. Потом, когда удавалось вернуть дисциплину, каждый выливал из своей фляги нагретую воду и заполнял её новой, чистой и ледяной. Мы умывали руки, лица. Но не пили. И снова нужно было идти...

Так что, насчёт того, что в ближайшем ручье немедленно займусь дайвингом, я пошутил. Вернее, помечтал...

Вообще-то, в такой местности все переходы целесообразно проводить в тёмное время суток. По простым причинам. Во-первых, снижается вероятность быть обнаруженным противником. Во-вторых, ночной холод – это не зной. А днём лучше всего замаскироваться в какой-нибудь расщелине, организовать охранение и спать. Но это в теории. На практике всё зависит от времени выхода на задачу. Вернее, от того, сколько его осталось. И если что-то в пути заставило отряд

выбиться из рассчитанного графика, то, как говорится, терпи и топай.

Вот и сейчас вышло именно так. Появилась опасность быть обнаруженными – чужие поисковые группы рыскали по ближним ущельям. Вряд ли искали именно нас, но, хочешь, не хочешь, пришлось дать большой крюк...

...Наконец-то!!! Привал. Ах, даже нет! Четырёхчасовой отдых. Сон! Кряхтя, стаскиваю с себя всю упряжь. Кажется, что тело стало легче наполовину. Сажусь на камень, дрожащими руками отвинчиваю пробку фляги. Смотрю на небо. Солнце зацепило пики гор. Благословенный час! Закрываю глаза и делаю большой глоток. Теплая, отдающая дезинфицирующим средством жидкость, которая была когда-то холодной водой, помедлив немного, проваливается в меня. Первый глоток. Не торопиться! Вдох... Выдох... Терпеть! Терпеть!! Иначе может стошнить. Второй глоток. Два глубоких вдоха... Терпеть!!! Осматриваюсь по сторонам, выбирая место для отдыха. Пожалуй, вон та трещина с кустами колючки по краям... Если нарвать неподалёку ещё немного, положить на себя сверху, вполне сойдёт. Третий глоток. Самый большой. Три вдоха. Мозг, наконец-то, начинает верить информации рецепторов, и тело реагирует на воду. Расслабление, почти блаженство... Ну вот, потом, через пару минут, я хлебну ещё, значительно больше. А когда устроюсь на ночлег, выпью ещё столько же...

Командир даёт знак группе собраться. Место для ночёв-

ки он выбрал профессионально. Есть где спрятаться, откуда вести наблюдение, куда отходить, если что... Я слушаю его немногословные распоряжения и удивляюсь, откуда в этом человеке столько выносливости. Тихий голос не дрожит, жесты спокойны и уверенны. Как он умудряется противостоять смертельной усталости? А ведь на его висках уже блестит седина... Впрочем, я не знаю, сколько ему лет. Командир распределяет нам время дозора и отпускает.

– И не забудьте Молитву...

Ах, да! Точно. Молитва... Надо же, до того устал, что чуть не забыл! Не отключиться бы прежде, чем успею её дочитать. Повеял прохладный ветерок – предвестник ночного холода, от которого будут стучать зубы.

И вот я в спальном мешке. Всё компактно пристроено в пределах досягаемости рук. Замаскирован так, что даже днём остался бы незамеченным с расстояния в десяток метров. Внутри "спальника", как всегда, взята одна граната. Так надо...

Сплетаю пальцы рук в замысловатую фигуру и начинаю шептать Молитву: «Сорок тысяч двести шестьдесят пять. Квазар. Пять. Девять. Ноль. Пурпур. Двести восемьдесят три...» – и так далее... Впрочем, я ещё не сошел с ума, чтоб вот так взять, да и выложить вам свою Молитву от начала до конца.

Тут я должен кое-что пояснить. То, что мы на нашем сленге называем Молитвой, на самом деле, конечно же, к молитве

религиозной имеет самое отдалённое отношение. Я, например, вообще атеист. Верю только в Удачу... Та молитва, о которой я говорю, это Мнемонически Объединённые Лингвистически Иррациональные Термины Ввода Алгоритма. Вроде как шифр к моему подсознанию. Сокращённо МОЛИТВА.

О, это сильно! Пока я не был допущен к Тайне, то даже понятия не имел, что может творить человеческий мозг. Удивительные вещи, уверяю вас! Вот и сейчас я задавал программу на усиленную четырёхчасовую работу по восстановлению ослабленного организма. На регенерацию тканей повреждённой кожи ступней (я в этот раз почему-то заработал небольшие потёртости), усиленный метаболизм в мышцах, передавленных в течение всего дня ремнями, восстановление сухожилий левого плеча (растянул, неловко ухватившись за камень, чтобы не упасть с уступа). Ещё задал третий уровень чуткости сна. Выше уже нельзя – будешь просыпаться от шороха собственного пульса. Можно было бы, конечно, задать уровень и поменьше. Выспался бы лучше. Но, мало ли что...

Перед сном, как всегда, успеваю подумать о ней... О той, которая, скорее всего, давно меня забыла. Что сказать? В любви всегда кто-то любит больше, чем любят его. Старая истина. Не знаю, как это выглядит в моей ситуации. Да, я любил её. Сильно любил. А как же ещё в юности? И вожделем плотски, и тянулся к ней, как к личности. То есть, полный

комплект чувств, как говорится. Но было что-то ещё... Что-то не совсем понятное. Именно это непонятное заставляло сладко нить сердце при одной лишь мысли о ней. При первом же воспоминании. Впрочем, для того чтобы вспоминать, надо сначала забыть. А забыть её я не мог ни на мгновение! Она присутствовала во мне постоянно. Даже в те минуты, когда думал о чём-то другом. Это как воздух. Он ведь всегда в нас, независимо от того, помним это или нет. А стоит ему исчезнуть, мы умрём. Так было и с ней. Вернее, без неё. Ну, то есть, с моей любовью... Непонятно, да? Сумбурно объясняю? Возможно. Я воин, а не поэт. Простите, если запутал. Скажу одно: любил я её сильно!

Она была красива. Молода и красива. Что ж тут такого, спросите вы? Мало ли на свете красивых девушек? Согласен, хватает... И я знал многих. Но эта была особенная. В её личности присутствовало нечто, не свойственное большинству женщин. Склад ума у неё был мужской. Да, пожалуй, так будет вернее всего – у неё был мужской ум. Только не поймите неправильно. Я ничуть не принижаю женщин. Считаю, что ум или глупость не зависят от пола. Среди представителей обеих половин человеческой расы есть как люди умные, так и не очень. Но в данной ситуации говорю не про наличие или отсутствие интеллекта, а именно про склад ума. Про мужскую логику, характер, менталитет, если хотите. Это в сочетании-то с настоящей женской красотой! Представляет-те?! Мужчины меня сразу поймут. Убийственная смесь! Она

не оставляет нам никаких шансов.

Как вы догадались, я был далеко не единственным, кого могла заинтересовать такая девушка. Разумеется, недостатка в мужском внимании у неё не было. Видя, какие претенденты добивались её взаимности, я довольно трезво оценивал свои шансы. Они занимали прочную позицию где-то в районе нуля, и повысить их могло только чудо. Знаете, однажды оно произошло...

...Просыпаюсь от того, что ко мне кто-то приближается. Не слышу – чувствую это. А, понятно – моё время дозора. Так же неслышно отправляюсь на место наблюдения. Холодно! Дышу в ладони, потом растираю лицо, окончательно прогоняя сон. В прибор ночного видения внимательно осматриваю местность. Вроде, ничего подозрительного.

Анализирую своё состояние. Плечо совсем не болит. Мышцы не ноют, напротив, налиты силой и приятно расслаблены, как перед тренировкой. Потёртости на ступнях зажали, будто прошла неделя. Прекрасно! Вот уж поистине: Молитва творит чудеса!.. И как я раньше обходился? Ведь и не подозревал о таких возможностях. Впрочем, подавляющее большинство людей, даже профессионально занятых войной, и сейчас не подозревает. Это один из строжайших секретов, доступ к которым человек получает, только попав в специальное подразделение глубинной разведки. И только в нашем Ведомстве. Представьте, что было бы, если б так умели все.

Могу лишь догадываться, как долго и дотошно меня проверяли. А ведь я был уже далеко не зелёным пацаном-новобранцем. Имел военный стаж, боевой опыт, полученный в подразделениях специального назначения, заслуги. Но подготовка здесь, в Ведомстве, вскоре показала всю наивность моих прежних самооценок. И дело даже не в том, что я стал со временем ещё сильнее, быстрее, выносливее. Я стал умнее. Не только по личным ощущениям, поверьте. По результатам тестов. Это был итог прохождения специальной программы. Мозги в нашем деле – прежде всего...

Когда, наконец, Разум оказался готов, меня посвятили в тайну Молитвы. Сначала изучал теорию ввода алгоритма. Как уже сказал, это вроде шифра к замку, код доступа, если можно так выразиться, к управлению своим мозгом. Каждый воин долго подбирает его сам. Сочиняет, выстраивает, шлифует. Разумеется, строго соблюдая все положенные правила. Код должен быть сложный, чтобы не было возможности взлома извне, но в то же время понятный и простой для тебя самого, чтобы было легко его вспомнить. В любой ситуации.

Молитва заучивается наизусть. Назубок! И потом периодически повторяется. А чтобы подсознание не "вскрывалось" всякий раз, когда человек шепчет Молитву лишь для её освежения в памяти, в комплект к ней входит ещё один сигнал для мозга. Мы называем его Мелодией. У каждого она тоже своя. Только это не музыка. Это боль... Я, например, сплетаю пальцы рук в сложную фигуру и сильно сжи-

маю их. Так надо. Мозг должен получать внятный болевой сигнал из конкретных точек тела. Иначе Мелодия получится неполной, и Молитва не сработает. Положение пальцев тоже строго определено, менять нельзя.

Таким образом, если будет допущена хоть малейшая ошибка в тексте Молитвы или в Мелодии, никакого ввода алгоритма не получится. Ничего не получится и в том случае, если исполнить всё безукоризненно, но по отдельности. То есть, прочесть Молитву без Мелодии, или сотворить Мелодию без Молитвы.

Когда закончил их создание, привык к ним, пришло время внедрения этого кода в мозг. Я ушел в горы, где провёл три дня в одиночестве и медитации. Все действия выполнил лично, на специальной аппаратуре. Носитель информации сразу же уничтожил. Мою тайну не должен знать никто...

Теперь стало возможным задавать мозгу программы, которые тот безукоризненно выполнял. Правда, делать это часто не рекомендовалось. Мозг, всё-таки, орган тонкий... Поэтому я периодически повторял Молитву и Мелодию по отдельности для тренировки и лишь редко, на боевых заданиях, творил их вместе.

Подходит время будить остальных. Начинаю с командира. Он открывает глаза, как только направляюсь к нему. Это чувство развито у всех в отряде. Человек может крепко спать, невзирая даже на шум и неудобства. Мне приходилось спать под грохот водопада, под скрежет огромных ме-

ханизмов в морском порту, под залпы орудий. Даже под рёв музыки и многоголосый гомон шумной вечеринки. Сон был глубок и ровен. Но стоило только кому-то всего лишь направиться в мою сторону, вернее, не просто в мою, а именно ко мне, как я тут же просыпался. Эта способность не была результатом Молитвы. Она выработалась сама собой, со временем, и была присуща многим из нас. Из тех, чьё ремесло – война...

Отряд быстро собран и готов к движению. Командир негромко отдаёт последние указания, уточняя нам задачу сегодняшнего перехода. Снова в путь! Небо начнёт светлеть только часа через три. Наступит свежее прохладное утро, которое быстро перейдёт в день, раскалённый и бесконечный. Ещё один мучительный день перехода через Пустыню... Что приготовил он нам? Все ли его переживём? Смутное чувство тревоги не даёт покоя. Интуиция редко меня обманывала. Неужели?.. Нет-нет. Не думать о плохом. Сейчас муторно на душе у каждого. Никто не знает, что случится. В рейдах глубинной разведки нельзя загадывать наперёд.

Следы ночёвки убраны. Теперь вряд ли кто-то, если он, конечно, не специалист, догадается, что ещё совсем недавно на этом месте ели, отправляли надобности, спали несколько человек. В прежнем порядке следования, цепочкой покидаем место ночлега...

* * *

Я погиб. В бою. Десять дней назад. Так получилось...

Точнее, все считают меня погибшим. Как-то странно и неожиданно приятно. Можно вот так лежать без особых забот, закутавшись в спальный мешок, припорошенный снегом. И быть одному. Совершенно одному. Никуда уже больше не спешить.

Здесь, на высокогорье, в это время года иногда по ночам идёт снег. Моя лёжка на небольшой площадке перед обрывом совершенно не видна снизу. Да и сверху нависает массивный выступ породы. Это хорошо. Значит, со спутника меня трудней засечь.

Весь этот регион находится под пристальным вниманием многих заинтересованных сторон. Приходится почти всё время лежать без движения в спальном мешке, притворяясь каменной глыбой. И почти всё время спать, спать... Или, вот как сейчас, просто смотреть в ночное небо. Недавно распогодилось, можно угадывать очертания созвездий и вспоминать их названия. Или же думать о чём-то приятном. Как же хорошо никуда не торопиться!

А если вообще закончить на этом свой боевой путь? Хм, свежая мысль! Удивительная. Интересная... Как это я до такого додумался? Что натолкнуло? Может, этот чистый, белый снег вокруг? Без грязи, без крови. Без злобы. Даже подошвы ботинок очистились на всю глубину протектора. Почти до стерильности. Я случайно увидел это сегодня днём

и почему-то надолго задумался. Символично... Как соблазнительно легко начинать новую жизнь, отряхнув с ног прах прошлого! Так сказать, смыть с души пыль прежних мытарств. А что? Вот отлежусь здесь, окрепну и уйду. Исчезну для всех. Пропаду без вести. При моих навыках это будет не так уж и сложно. Ни одна живая душа на свете не узнает. Ведь меня все похоронили. И свои, и враги. Наши, наверное, даже вспоминают, как героя. Выполнили они задачу? Должны были...

Лёгкое чувство стыда. Удивляюсь своему внезапному интересу к дезертирству. Нет! Конечно же, нет. Глупости всё это. Фантазии на тему, так сказать... От безделья.

До чего завораживает бездонное звёздное небо! Нужно только стараться не думать о боли. О тупой ноющей боли, которая наполняет всё тело и не даёт нормально спать. Впрочем, сейчас, после стольких дней, она уже вполне переносима. И зрение почти пришло в норму. Даже звёзды средней величины уже различаю. Слух, вроде, тоже возвращается на прежний уровень. Это хорошо. Вовремя. А то скоро придётся принимать гостей, а я не в форме. Вернее, не гостей, а гостя...

Он обнаружил меня пару дней назад. Но не напал сразу. Его отпугнул запах оружия, исходящий от моего логова. Да, горные барсы осторожны... Сначала он поспешил уйти, решив, что я представляю опасность. В этом и была его ошибка. Ещё даже пару суток назад я был довольно лёгкой до-

бычей. Удивляюсь, как зверь не нашёл меня здесь раньше. Можно было бы без труда сладить со мной и попировать на славу. Теперь же, когда барс, движимый голодом и инстинктом хищника, всё-таки вернулся, у меня уже появились шансы разочаровать его. Правда, не очень большие. Стрелять нельзя, не хочется шуметь. Значит, придётся обороняться только ножом. Учитывая моё нынешнее состояние, сделать это будет непросто.

Как выиграть ещё хотя бы сутки?! Чем его отпугнуть? Вообще-то, горные барсы не нападают на людей. По крайней мере, такие случаи очень редки. Но этот, видимо, всё-таки понял, насколько я сейчас уязвим. Решил попытать счастье. Всё естественно: он патрулирует свою территорию. Если на ней продолжительное время нет никого, кроме раненого человека, стоит рискнуть. Неужели мне суждено погибнуть в когтях дикого зверя? И это после того, как удалось выбраться из серьёзной передраги! Память выдаёт одну за другой картины тех событий, и меня снова начинает бить озноб...

...Мы напоролись на засаду в середине третьего дня пути, почти у самого подножия горного хребта. Вернее, это была не засада в классическом смысле слова. Они нас тоже не ждали, поэтому не смогли подготовиться, как следует. Иначе бы все мы быстро погибли. Горная засада, если она профессионально организована, почти не оставляет шансов никому, кто бы в неё ни попал. Горы есть горы... Если вы вошли

в узкое ущелье, где противник заблаговременно занял позиции на господствующих высотах, стрелки не торопясь взяли каждого из вас в прицел, а потом внезапно открыли огонь сразу по всему отряду, сами понимаете, шансы уцелеть тут ничтожно малы. Как правило, большинство солдат погибает в первые секунды боя. Добить остальных – дело недолгое.

Но в этот раз было немного не так. Видимо они, ничего не подозревая, просто двигались по ущелью нам навстречу. Только их головной дозор обнаружил нас раньше и оповестил основной отряд. Позиции заняли наспех. Не такие выгодные, как следовало бы. Стали ждать. Но мы-то не молодёжь зелёная!..

Первым почувал опасность командир. Каким-то своим звериным чутьём. Он условным знаком остановил отряд и стал внимательно вглядываться куда-то вперёд. Очевидно, мы ещё не успели войти в зону сплошного огневого поражения, поэтому противник никак себя не обнаруживал, выжидая, когда мы продолжим движение. Но командир подал второй знак, по которому мы все быстро заняли позиции для стрельбы, спрятавшись за камнями. И тут у них сдали нервы... Шквал огня из всех видов стрелкового оружия обрушился на нас! Вернее, на укрытия, за которыми мы залегли. Сразу стало ясно, что враг серьёзный. Но, всё-таки, не нашего уровня...

Им бы подождать чуть-чуть! Ведь командир всего лишь заподозрил опасность. Конечно, он сразу укрыл нас от воз-

можного обстрела. Что тут странного? Не стоять же нам было, как истуканам, во весь рост! Не начнись обстрел, командир вскоре назначил бы одного из нас пройти вперёд и разведать маршрут. Затаившиеся охотники должны были пропустить его мимо своих позиций, оставшись незамеченными. А потом накрыть весь отряд. Когда заблаговременная засада устроена на скалах ущелья, снизу трудно её обнаружить. По этой самой причине нам не было смысла заведомо высылать вперёд боевое охранение. Ущелье просматривалось далеко. Да и отряд наш слишком мал для того, чтобы дробить его на части.

Но сейчас тропа в ущелье начинала петлять за выступающими скалами. Почуввав опасность, командир как раз собирался отправить вперёд дозорного. Замаскирован противник был наспех. А значит, наш разведчик сразу обнаружил бы засаду. Вот тогда хотя бы этот один, живой или мёртвый, стал их добычей наверняка. А так...

Они лупили и лупили по нам, расходуя боеприпасы, а мы слушали эту грозную музыку боя, засекая их огневые точки и определяя количество стрелков. Расклад был явно не в нашу пользу. Отстреливаясь короткими очередями и одиночными снайперскими выстрелами, мы смогли немного уменьшить количество звучащих инструментов. Но их поредевший оркестр всё равно вскоре сыграл бы нам похоронный марш. Это понимали все.

Командир дал знак отходить. И вдруг!.. Я внезапно по-

нял, почти физически ощутил это. Удача, как же так?! Ты куда?! Она по-товарищески сочувственно хлопнула меня по плечу, коротко печально вздохнула, а потом отвернулась и пошла прочь. Вот так вот – неожиданно и просто! Наверное, когда Удача покидает человека, это всегда бывает неожиданно и просто. Я оглянулся на командира. Пару мгновений мы смотрели друг другу в глаза. А потом я кивнул...

Всё дело в том, что бесконечно перестрелка продолжаться не могла. Как я уже сказал, солдат противника было значительно больше. Позиции у них пусть не идеальны, но всё равно лучше наших. Выплеснув первую порцию эмоций, они стали экономнее расходовать боеприпасы. Их командир, если он, конечно, не полный кретин, должен был вот-вот отправить несколько своих людей в обход, через отвесную стену ущелья. С задачей выйти нам во фланг или в тыл. Да, на это требовалось время, зато мы оказались бы в западне. Поэтому каждый из нас понимал, что нужно отходить как можно быстрее. И ещё каждый знал, что без огневого прикрытия это сделать невозможно. Ну, а так как мне "повезло" занять самую выгодную позицию для огневого воспреещения выдвижения противника, то угадайте, кто должен был остаться...

Это осознавали все, и времени на сантименты не было. Конечно, в другой ситуации командир бы ни за что не принял такого решения. Скажем, если бы мы уже возвращались после выполнения задачи. Бросить своего?! Никогда!.. Он бы организовал бой по всем правилам. Отряд через какое-то

время имитировал бы ложный отход, встретил бросившуюся вслед погоню шквальным огнём, уничтожил много врагов. Да, командир поступил бы именно так. А отряд всё равно бы не спас. Ни одного бойца. Но сейчас мы ещё только выдвигались на задачу. В этом-то всё и дело! И скажите, кто бы тогда её выполнил? Для чего мы сюда пришли? Для чего вообще был весь этот тяжёлый поход с его лишениями и постоянной смертельной опасностью? Просто так? Чтобы всем героически погибнуть, но не бросить товарища? Романтично... Сюжет для хорошего мужского кино. А в жизни всё намного прозаичнее. И серьёзнее. Есть задание, которое надо обязательно выполнить. Любой ценой! И вот это уже не кино. Поэтому, хватит рассуждать! Каждый из нас мог оказаться на моём месте. Каждый должен быть готов к этому. Всегда...

Теперь моя задача была проста, но почти невыполнима. Продержаться как можно дольше, дав возможность нашей группе быстрым марш-броском оторваться от преследования и затеряться в скалистой пустыне. Потом они будут ещё сутки путать след, форсированным маршем петляя по ущельям и перевалам. И всё-таки у них останется шанс выполнить задание! А это – главное.

Сначала всё шло так, как я хотел. Мне удалось ещё немного убавить их энтузиазм. Теперь стреляли редко, лишь когда я делал вид, что собираюсь высунуться. Я коротко огрызался, воспрещая высовываться им. Боеприпасы таяли наперегонки с надеждой. Время тянулось. Было вполне понятно,

что происходит. Все ждали, когда мне во фланг выйдет группа, посланная их командиром. Тогда всё и закончится...

Я старался не думать об этом. Пытался противостоять накатывающей глыбе животной жути. Думал о том, что чем дольше тянется время, тем больше появляется шансов у наших. О том, как глупо потерял свою любовь когда-то. Обиды, что она меня уже давно не помнит, что живёт с другим, теперь не было. Ещё думал о том, как мало за свою жизнь успел сделать, увидеть, побывать... Но все эти сожаления снова и снова уходили на какой-то второстепенный план, становились несущественными. Было лишь одно сильнейшее желание – жить! Просто продолжать жить на этом свете. Любой ценой!!! Сердце рвалось от страшной несправедливости: как же это так, что все останутся, будут жить дальше. Без меня?! Останутся горы, растения, воздух, синее небо. Даже вот этот чёртов кустик сухой колючки будет продолжать жить! А меня уже не будет... Разве такое вообще может случиться?!!

Инстинкт самосохранения – самый сильный у любого живого существа – бушевал во мне, мешая выполнять свою последнюю миссию. Я старался дышать, как учили, чтобы успокоиться и не допустить истерики. Старался, по совету нашего психолога, воспринимать всё, как нереальное. Будто это происходит не со мной. Пытался сосредоточиться лишь на технической стороне происходящего. Но помогало мало...

К тому времени меня уже пару раз зацепили. Горела левая часть спины, и по боку стекала кровь. Левую ногу ниже ко-

лена я не чувствовал, но не хотел даже смотреть туда. Какая теперь разница? Не существенно. Ничего уже не существенно. Весь мир, вся Вселенная размером в миллиарды световых лет, всё Бытие не существенны!

Я вдруг понял, что до боли в пальце жму на курок, а выстрелов нет. Понятно. Это был последний магазин. Так, где граната, что я отложил? Нету?! Идиот!!! Ищи, дурак, она где-то здесь! Ты же прекрасно знаешь, что живым к ним нельзя. Даже не думай! Хотя, почему? А вдруг пощадят? Да! Да, непременно пощадят. Так и будет. Просто побьют и всё. Подумаешь... Ну, плен... Так зато живой. Живой?! Да не будь ты наивным мальчиком! Как бы не так! Пощадят... Лютой смерти предадут. Скольких из них мы уложили в этом бою! Кожу живьём снимут. Ты же сам видел обезображенные трупы попадавших к ним в плен солдат. Помнишь, потом ещё приснился тот паренёк с воткнутыми в глаза автоматными гильзами? Лучше уж самому... Сразу! Так, всё это не со мной... Не со мной! Рвануть чеку. Никаких других мыслей больше! Взять гранату и рвануть... Да куда ж ты делась?!!

Почти не скрываясь, я стал лихорадочно шарить вокруг. Боковым зрением увидел летящий мне в голову небольшой камень и успел увернуться. Они что, поиграть решили? Камнем-то зачем? Потом что-то ярко сверкнуло совсем рядом, и меня не стало...

* * *

Снова чувствую, что ко мне кто-то приближается, и просыпаюсь от этого. Так и есть! Он почти готов к прыжку. Красивый крупный зверь. Даже в неясном свете сумерек различаю его серо-белый дымчатый мех, мелкие чёрные пятна на голове. Пятна покрупнее, серые и черные в виде колец, на туловище. Машинально отмечаю факт полного восстановления своего зрения. Значит, ты всё-таки решился? Что ж, понимаю...

Так! Весу в тебе, пожалуй, килограмм пятьдесят, не меньше. А справляешься ты с добычей втрое тяжелее. Прыгаешь ты, братец, до шести метров в длину. Это всё мне из курса выживания известно. Значит, прыжка три, и мы с тобой в жарких объятиях... Вот ведь, как застал! Я в спальном мешке. Даже руки внутри. Ещё внутри, в спальнике, нож и граната. Остальное оружие рядом. Только начну вылезать, и ты кинешься.

Действовать нужно немедленно! Долго размышлять не дашь. Ты готов опередить любое моё движение, значит провоцировать тебя нельзя. Но и затянуть паузу не получится. Ты потерпишь ещё несколько секунд и бросишься. В поисках решения мозг работает лихорадочно. Понимаю, что зверя из такого состояния может вывести только удивление. Да, должно произойти что-то, что его удивит. На всё остальное реакция только одна – прыжок. Но попробуйте придумать, чем можно удивить снежного барса! Да ещё находясь в таком

невыгодном положении. Всё, чем можно удивить человека, отпадает. Нелепые жесты, смешная мимика, демонический хохот – всё это для него, как выстрел стартового пистолета для спортсмена.

И тут вдруг, неожиданно для себя, я издаю такой тонкий, такой трогательный писк маленького котёнка, что даже сам удивляюсь. Барс настораживает уши, прижатые до этого к голове, как у любого кота перед броском. Я мяукаю ещё жалобней и громче. И ещё... Он немного приподнимается на лапах, и изумлённо смотрит на меня. Изготовки к прыжку уже нет! Я понимаю, что через пару мгновений его растерянность пройдёт. Но этих пары мгновений хватает... Руки мои сжимают автомат, и я, молниеносно передёрнув затвор, направляю оружие на незваного гостя.

Теперь он немного припал на задние лапы и замер. Да, такова особенность поведения снежных барсов при грозящей опасности. В здешних местах они стоят на вершине пищевой цепочки, и безусловного рефлекса немедленно удирать от кого-то у них не выработалось. Что ж, будем прогонять...

Сквозь щель прицела смотрю ему прямо в глаза, продолжаю высвобождаться из спальника и начинаю хищно рычать. Самому себе внушаю мысль, что он – моя добыча, и сейчас я легко справлюсь с ней. Так нужно, чтобы зверь смог прочесть это в моём взгляде и услышать в голосе. Я почти ликую! К тому же, его сбивает с толку моё оружие. Он смутно догадывается, что теперь я опасен. Наконец, начинает медленно

пятиться. В моём рычании появляются тревожные нотки – я могу упустить добычу! Он понимает, что поступает правильно. Поворачивается, и медленно идёт прочь, вывернув уши назад, в мою сторону. Я издаю злобный рык и начинаю гремять снаряжением, делая вид, что только моя неуклюжесть мешает тотчас ринуться за ним. Он ускоряет шаг, затем вообще переходит на бег и, наконец, исчезает за выступом скалы. Я издаю досадный вопль и ещё некоторое время "беснуюсь" в своём логове. А потом обессилено валюсь на спальный мешок.

Тело снова пронзает острая боль. Голова кружится и подступает тошнота. Я протираю лицо снегом и глубоко дышу, чтобы побыстрее унялось бешено бьющееся сердце. Боль! Когда же она пройдёт?! Я так устал от неё! Закрываю глаза, и снова возвращается воспоминание кошмара, который недавно пришлось пережить...

...Была только боль... Она существовала сама по себе. Единственная во всей Вселенной. И была огромна. Чудовищно огромна! Где-то в чёрных глубинах этой боли плавало что-то неизмеримо малое, готовое вот-вот исчезнуть, раствориться в Бездне Страдания. Потом это крохотное и ничтожное превратилось в клубок каких-то бессвязных воспоминаний, коротких, как вспышки молний. Каких молний? Каких воспоминаний? Что это вообще такое? Ведь во всей Вселенной нет ничего! Есть только Великая Боль!.. Но по-

явилось ещё что-то. Запах! Тошнотворный. Запах горелого мяса. А что такое запах? И откуда я знаю, что так пахнет горелое мясо? Я? Кто – «я»?.. Потом это ничтожно малое создание, плавающее в мучительной темноте, вдруг стало стремительно увеличиваться. И появился Свет!.. Но боль от этого стала ещё сильнее. Теперь не я плавал в ней одинокой пылинкой, а она была во мне. В каждой моей клеточке! Появились звуки. И первыми из них были слова на чужом языке, произнесённые где-то совсем рядом. Я понял их смысл. Он был примерно таков: "Командир, этот пёс приходит в себя!" Откуда здесь собаки? Прошло ещё пару мгновений, я осознал, что речь идёт обо мне.

Кто-то сильно пнул меня в бок ногой. Странно, что среди океана страдания я смог ощутить новую острую боль. Скорей всего, этим ударом мне сломали пару рёбер... Я застонал и перекатился на бок. Голова закружилась и меня стошнило. Рядом кто-то раздражённо выругался. Я понял, что этот кто-то мочится на меня. Прямо на лицо. Сознание вернулось полностью, память тоже...

...Затянувшаяся, вяло текущая перестрелка. Ожидание конца. Лихорадочный поиск гранаты. Когда солдат, посланный командиром противника, всё-таки зашёл мне во фланг и приблизился на расстояние броска гранаты, он тут же воспользовался этой редкой возможностью. Но граната не разорвалась сразу, а успела немного скатиться вниз по камням. Поэтому меня не убило, а только контузило.

Очнулся я уже со связанными руками, лежа на камнях. Воины с молчаливым интересом наблюдали, как один из них наспех перевязывал мои раны. Это отнюдь не обрадовало. Значит, им нужно, чтобы я не подох раньше времени от потери крови. А для чего в такой ситуации человеку не давали умереть сразу, было понятно и дураку. Перед тем, как убить, из меня будут вытягивать всё, что знаю. Пытки!.. Вот уж чего хотелось бы избежать во что бы то ни стало! Не получилось. Видно, такая напоследок предначертана участь...

Один из них нагнулся и, схватив за шиворот, рывком поставил меня на колени. Всё плыло перед глазами. Подкатила новая волна тошноты. В ушах поплыл звон. Так бывает при контузии. Острая боль в левой ноге и спине выдавила стон сквозь плотно сжатые зубы. Воин крепко держал меня за воротник, не давая упасть снова. Командир задал вопрос. Стоявший рядом с ним солдат перевёл мне, хотя переводчиком он был плохим. Я, конечно же, знал их язык, но не считал нужным это выказывать. Как водится в таких ситуациях, мне задавали стандартные вопросы. Кто? Откуда? Задача? Где? Сколько? И так далее...

На такой случай наша группа, конечно же, была снабжена вполне правдоподобной легендой. Разумеется, не имеющей к реальному заданию и даже к нашему Ведомству никакого отношения. Мы маскировались под разведотряд армии одного из государств, имеющих интерес в этом регионе. Всё было их: оружие, обмундирование, снаряжение, язык.

Но «сознаваться» вот так вот сразу было нельзя. Всё должно выглядеть по-настоящему. И я молчал. Меня били... Потом стали пытаться раскалённым железом. Они нагревали мой нож на огне костра и жгли обнажённые раны. Я понимал, что скоро начнут отрезать пальцы, затем отрежут гениталии. В конце концов сердце не выдержит, и я умру от болевого шока. За время допроса пару раз терял сознание. И вот очнулся снова, когда ударом ботинка мне сломали рёбра.

Пришло время развязывать язык. Содрогаясь от боли и отчаяния, стал отвечать на вопросы. Нужно было оставаться предельно внимательным, чтобы не запутаться и не провалить легенду. Терпеть больше не было никаких сил, и я надеялся на скорый конец...

Командир внимательно слушал переводчика и иногда что-то записывал в блокноте. Хотя уже было не нужно, но машинально, в силу профессиональной привычки, я постоянно оценивал обстановку. Их отряд состоял из двадцати человек. Это до встречи с нами. К такому выводу я пришел, сосчитав сначала лежащие неподалёку вряд тела восьми погибших, прибавив к ним десять человек живых, находящихся сейчас рядом со мной, четверо из которых были ранены. Ещё двое, по моему мнению, должны были вести наблюдение в обоих направлениях ущелья, чтобы не прозевать противника. Я даже прикинул, где именно они залегли. Итого, стало быть, двадцать.

Наступали сумерки, начинало холодать. Наконец их ко-

мандир закрыл блокнот и взглянул мне в глаза. Я вздрогнул. Ну, вот и всё! Сейчас... Дольше оставлять врага живым смысла не было. Все смотрели на меня с ненавистью и презрением.

– Что же друзья бросили тебя? И ты ещё имел наглость стрелять в нас, давая возможность уйти этим трусливым шакалам?! – командир скривился в брезгливой гримасе. – Я думал, ты один среди них храбрец. А ты тоже трус! Выложил всё, испугался пыток. Не мужчина. Ты хотя бы задумывался, для чего родился и жил на свете?

Такой глобальный философский вопрос даже удивил. А потом удивило то, что ещё сохранилась способность чему-то удивляться.

– Я должен был что-то понять...

– Да? Ну, что ж?.. Пусть будет так. Но сегодня ты поймёшь, насколько ничтожен. По сравнению с настоящими воинами. С теми мужчинами, которых тебе, сволочь, удалось сегодня убить. Ты – червь ничтожный! И был им всю жизнь. Понимаешь это?!

Я молчал... Командир оглядел своих людей:

– Кто прикончит пса?!

Тот воин, что постоянно поддерживал меня за шиворот, попросил разрешить это сделать именно ему, упомянув о каких-то старых счётах с нами. Вернее, с теми, под кого мы маскировались. Командир многозначительно кивнул, видимо, зная, о чём идёт речь. Но тут другой солдат высказал

жгучее желание сделать то же самое, аргументируя тем, что его лучший друг лежит сейчас в том строю, с которого я начал считать отряд. Возник спор... Никто не хотел уступать. Причём, один из них желал отрезать мне голову, а второй – вырезать у меня, живого, сердце. Так, чтобы оно билось в его руке.

Я ждал, вдыхая холодный воздух, подняв глаза к потемневшему вечернему небу, и почти не слушал перебранку своих палачей. Всё происходит не со мной... Появились первые звёзды, и я разглядывал их, стараясь до последнего мгновения сохранять самообладание. Было очень холодно, очевидно, от потери крови. Внезапно меня снова дёрнули за ворот, заставив слушать командира. Вердикт был таков:

– Как видишь, воины не могут поделить тебя, – он усмехнулся: – Радуйся, что даже перед смертью ты так нарасхват. Оба они заслуживают уважение, и я не хочу обижать никого. Поэтому, выбери ты.

– Мне всё равно... – я пожал плечами.

Командир подумал немного и вдруг улыбнулся:

– Нет, выберешь ты! Я так хочу. Знаешь, как это будет? Я прикажу тебе произнести фразу. Любую, какую захочешь. Только не вопрос, а фразу, – увидев мою ухмылку, он нахмурился: – Будешь молчать, мы продолжим пытки. Понимаешь? Ну, вот... Ты произнесёшь фразу. И если солжёшь, тебя убьёт он. А если скажешь правду, достанешься вот ему.

Воины, с интересом следящие за спором, одобрительно

закивали.

– Мудрые говорят, что человек, произнося слова, или ложёт, или говорит правду. Всегда! Третьего не дано. Так устроены все люди, – командир, ободрённый реакцией подчинённых на свою выдумку, пояснял детали: – Если ты вздумаешь хитрить и произнесёшь что-нибудь, не поддающееся проверке, ну, например, что через три дня здесь пойдёт дождь, я сам приму решение, правда это, или ложь. Такие уловки не помогут. Любую фразу я объявлю либо правдой, либо ложью. Скажешь правду – тебе отрежут голову. Солжёшь – живому вырежут сердце. Таково моё решение! Тебе понятно?

Дослушав переводчика, я кивнул. Да, перспектива... Прямо как в старой сказке, когда чудовища задают герою, попавшему в их лапы, загадку. И нужно непременно отгадать! В сказках от этого зависит жизнь. Только здесь, увы, не сказка. Горькая быль, в которой от ответа зависит не жизнь, а лишь способ казни. Но, раз так, мне захотелось хотя бы напоследок посмеяться над ними...

Командир повысил голос:

– Скажи, что хочешь. Это последние слова в твоей жизни. Можешь про любовь. Можешь что-нибудь мудрое. Или про то, как ты нас ненавидишь. Всё окажется либо ложью, либо правдой. Говори!

Я ещё раз взглянул на звёздное небо, вздохнул и в наступившей мёртвой тишине отчётливо произнёс:

– Мне, живому, вырежут сердце.

Переводчик перевёл мои слова. Теперь ждал я...

У командира первого сползла с лица самодовольная улыбка. Потом стало доходить и до остальных... На лицах появилась растерянность. Ещё бы! Поломайте-ка теперь головы. Кому меня отдать? Тому, кто вырежет сердце? Но ведь он должен сделать это только в ответ на ложь. Отрезать мне голову? Но тогда окажется, что я солгал, сказав про сердце. А лишить меня головы можно только за правду. Так что же делать, мудрейшие? Ну как? Умыл вас «червь ничтожный»? То-то же! Примите напоследок...

Я, конечно, понимал, что жизнь мне всё равно не подарят. Повторю ещё раз, это не сказка. Но уж очень мне захотелось показать, что нельзя возноситься в гордыне. Даже если вас много, а пленный солдат всего один. Раненый, избитый стоит на коленях со связанными руками. Не унижайте чужих воинов! Вы ведь не знаете, кто перед вами, на что он способен, через что ему пришлось пройти. Этот солдат может оказаться доблестнее вас всех. Не издевайтесь. Никогда! Хотя бы из соображений воинской чести, сословной солидарности, если хотите. Он ведь тоже воин, как и вы. Просто, на этот раз от него отвернулась Удача...

Тот, что жаждал вырезать сердце, вдруг, коротко выругавшись, ударил меня ногой в лицо. Я успел среагировать, немного дёрнувшись назад, поэтому не потерял сознание, но всё равно повалился на бок. Этим ударом он разорвал мне

верхнюю губу и, по-моему, сломал челюсть. Затем он смачно плюнул в меня. Боковым зрением я увидел, как в руке другого палача тускло блеснуло лезвие ножа. Ну, вот и всё...

Гневный окрик командира заставил всех остановиться. Меня подняли на ноги и подвели к нему. В тёмных глазах я прочёл искреннее удивление, и испугался, что моя легенда сейчас рухнет, а кошмар пыток начнётся заново.

– Хитёр! – восхищённо произнёс командир после короткого молчания. – Ещё не встречал среди вас таких.

Сердце сжалось. Неужели раскусил?!

– За то, что ты удивил меня, чужак, я даю тебе возможность умереть с честью. У вас считается достойной гибель от пули. Что ж, ты примешь эту почётную смерть. Даже разрешаю напоследок помолиться.

Я вздрогнул. Что?! Судорожно сглотнул ком в горле. Она была уже так далеко от меня! И уходила всё дальше, ни разу не оглянувшись, как уходят самые желанные женщины. Лучше которых не бывает... Но там, вдалеке – я опять почувствовал это почти физически – Она вдруг замедлила шаг, затем и вовсе остановилась. Строго посмотрела в мою сторону. А потом еле заметно улыбнулась. Моя Удача!..

– Прикажи развязать мне руки, – промычал я, стараясь не двигать сломанной челюстью и изобразить на лице смесь благодарности и религиозного просветления. – Тебе и твоим смелым воинам не престало бояться безоружного раненого солдата. Моих сил хватит сейчас только лишь на то, чтобы

сотворить молитву.

Враг мой помедлил немного...

«Вернись! Вернись!! Вернись!!!»

Удача ещё немного постояла в раздумье, а потом медленно пошла в мою сторону...

Командир кивнул одному из воинов. Тот перерезал верёвки на запястьях и отвёл меня в сторону. Я стоял, ожидая, когда в онемевшие руки вернётся чувствительность и подвижность. Попробовал сплести пальцы, но они не слушались.

Было больно опираться на раненую ногу, но кость в ней, скорее всего, осталась цела. Я повёл плечами, и снова застыл от резкой боли в спине. Однако, судя по всему, пуля лишь порвала мышцы, но не задела жизненно важные органы. Так, что ещё? Ах, да, рёбра! Я сделал глубокий вдох, и он отозвался ножевым ударом в правое лёгкое. Так и есть, сломаны. Ну, и сотрясение мозга, конечно. Вот это беспокоило больше всего. Получится ли?..

Наконец, медленной ползучей гадиной в руки стала возвращаться боль. Я пошевелил пальцами. Пока плохо...

– Эй, ты что там, уснул?! – командир уже сидел у разведённого костра, собираясь ужинать, и моя медлительность начинала его раздражать.

– Сейчас, сейчас... – промычал я, морщась от нестерпимой боли в запястьях. – Мне надо сложить руки. Я их не чувствую. Мне обязательно надо их сложить. Так требует обряд. Прошу, ещё немного!

– А ты какой веры? И что ещё нужно по обряду? Может, удар прикладом в затылок? Скажи...

Двое из его людей, стоявших за моей спиной с автоматами наперевес, загоготали, и я понял, что вполне могу получить эту услугу. Но руки отходили слишком медленно!

– Прости! Для меня очень важно правильно помолиться сейчас, – сказал я совершенно искренне. – От этого зависит моя дальнейшая судьба. Очень зависит.

– Какая судьба?! Ты совсем ополоумел от страха! – раздражённо сказал командир и усмехнулся: – А, понимаю! Надеешься на счастливую загробную жизнь.

Нужно было тянуть время. Я состроил в глазах раболепие напополам с обидой:

– Всех ждёт загробная жизнь. Хорошая, или плохая. Каждому воздаётся по делам его...

– Идиот! – прервал меня командир. – Ты всё равно будешь гореть в аду. Потому что не можешь верить по-настоящему. Среди вас нет таких. А многие вообще не верят в жизнь после смерти. Говорят: нет там ничего! В своё время я учился в университете, общался с образованными людьми. Там немало атеистов. Их интересно было послушать. Знаешь, что они говорили? Что загробную жизнь люди выдумали как раз из страха перед смертью. Так легче, с этой выдумкой. У людей появилась надежда, которая позволила не сойти с ума от ужаса. Потом служители духовенства развили эту тему на благо существования общества. Ведь нужно же было

как-то объяснить царящую на земле несправедливость. Ну, вот живут на свете богатый и бедный. Богач блаженствует в роскоши, вкусно ест, сладко спит, имеет гарем красивых женщин. Бедняк всю свою жизнь трудится в поте лица, голодный, надорванный, чтобы хоть как-то прокормить жену и детей, тоже изуродованных непосильным трудом. А потом и тот, и другой умирают. И что? Где справедливость?! Оба просто исчезли... Так стоило ли бедняку всю жизнь надрываться? Или нужно было пойти отнять всё у богача? И вот тут-то, чтобы такого не случилось, просто необходимо существование духовенства. Священники практически всех религий объясняют людям, что никакой несправедливости-то и нет! Всё очень просто. Страдал на этом свете – будешь блаженствовать на том. И наоборот. А на самом деле это ложь. Нет ничего там, за чертой! Так утверждали ваши атеисты. Вера им не нужна. Я думаю, поэтому вы все так слабы.

Воины слушали тираду, опустив глаза. Понятно было, что все они верующие. Среди солдат этого народа атеистов нет. Даже слушать такое непозволительно. Должно быть, их предводитель получил образование где-то в другой стране. Чувствовался интеллект и лидерские качества. Скорее всего, именно это и позволило ему со временем стать командиром. Он должен был обладать непререкаемым авторитетом, добытым в боях, раз солдаты молча принимали такую проповедь.

– Раз уж я позволил, молись, дурак. Тебя ждёт ад, но умри с надеждой на рай. Говорят, так легче...

Я медленно и глубоко, на сколько позволяли сломанные рёбра, вздохнул и опустился на колени. Постарался сосредоточиться и не думать о боли своих ран. Два конвоира стали за моей спиной. Оглянувшись, в свете костра я увидел весь отряд.

Командир лежал на спальном мешке, опершись на локоть, и наблюдал, как я трясую руками и разминаю их. Переводчик готовил на всех ужин из сухого пайка. Ему помогали ещё двое. Из четверых раненых, судя по их повязкам, двое были ранены в руки, один в голень, и ещё один в голову. Этот был особенно плох и лежал без движения в спальном мешке неподалёку от костра. Раненый в ногу пытался поить его из фляги. В общем-то, все недалеко. Это хорошо. Были ещё двое, ведущих наблюдение в обоих направлениях ущелья. Я давно их засёк, ведь дозорные скрывались от внешнего противника, а не от своих. Они находились на значительном расстоянии. Это плохо. Итак, пора приступать...

Я сплёл пальцы, с силой сжал. Мне было важно, чтобы мозг услышал их боль, различил Мелодию. Конвоиры подошли совсем близко и с интересом наблюдали из-за моей спины за невиданным обрядом. Давайте-давайте, ребятки...

Ещё раз глубоко вздохнув, я начал творить Молитву...

* * *

Снежный буран метет вторые сутки. Здесь, на высоко-

рье, погода меняется часто. Даже не верится, что где-то далеко внизу, у подножия этих гор, по-прежнему солнечно и даже жарко. Сквозь метель трудно разглядеть край скалистой площадки, на которой я устроил своё логово. Буран – это и хорошо, и плохо. Хорошо это тем, что видимость не превышает расстояния нескольких метров, и меня можно обнаружить, лишь споткнувшись непосредственно о «спальник». Впрочем, вряд ли сюда занесёт кого-то даже в ясную погоду. А плохо то, что запас провизии совсем иссяк. Меня трясёт от холода. Энергии, накапливаемой за день солнечными батареями спального мешка, явно не хватает. И, хотя «спальник» и одежда у меня достаточно добротные, организму скоро не из чего станет вырабатывать тепло. А значит – снова в путь. Как только стихнет буран.

Но пока есть время о многом подумать. Я неторопливо вспоминаю свою жизнь. Людей, с которыми мне пришлось встречаться. Попадались разные. Умные и не очень, добрые и не совсем, порядочные люди и отъявленные негодяи. Хотя, со временем я стал понимать, что этот мир не чёрно-белый. В нём уйма цветов и оттенков. В конце концов, всё относительно. Любовь свою я сберечь не сумел. Теперь, вспоминая женщин, которые были в моей жизни, понимаю, что по-настоящему любил только одну.

Как уже сказал, её взаимности добивались мужчины намного достойнее меня. Но Судьбе было угодно свести нас вместе. Я тогда был совсем молод, никак не связан с воен-

ной службой и получал образование по инженерной стезе. Она тоже. С нами случилось приключение, в которое мы, молодые студенты, попали, будучи едва знакомы, а вышли из него, не желая расставаться. Пробыли вместе ровно год. Любила ли она меня? Не знаю... Скорее всего, да. Я же любил её до безумия! Если не виделись больше суток, нас обоих начинало трясти. В буквальном смысле. Мы бросали всё и мчались навстречу друг другу, чтобы побыстрей нырнуть в нашу страсть. Многие завидовали нам. Мне – мои приятели. Ей – подруги. И, как это нередко бывает, самая близкая из подруг нас разлучила.

Теперь понимаю, что она ненавидела меня. Твердила, что её подруга достойна намного большего. Но на самом деле ненавидела потому, что в её собственной жизни такого не было. Она придумала и осуществила коварный план со множеством действующих лиц, ходов и уловок. Всё-таки, у женщин на подобные штуки природный дар. Мы были тогда ещё молоды и наивны... Нас удалось поссорить. Сильно. А максимализм молодости не позволил сделать первые шаги к примирению ни ей, ни мне. Главное – не сдать первому! Не написать и не позвонить. Поэтому уничтожаем все контакты. И пока каждый из нас упивался горечью обиды и несгибаемой гордостью, план интриганки работал дальше. Я узнал, что у моей девушки появился другой. Как мне сказали, я не шёл с ним ни в какое сравнение, проигрывая по всем статьям. Отчаянию не было предела! Помню, пару раз даже

думал о сведении счёт с жизнью. Я передавал через эту подругу требования о встрече, но получал через неё же, такую сочувствующую, решительный отказ.

Тем временем учёба закончилась, и я поспешил уехать из города, в котором ещё недавно был так счастлив. Скорее всего, эти события и повлияли на моё решение связать жизнь с военной службой.

Потом, через три года, приехав как-то в отпуск, узнал от одной из наших общих знакомых, что, а вернее – кто стоял за тем конфликтом. Оказывается, никакого другого мужчины у моей любимой тогда не было. Напротив, она была совершенно уверена, что я по уши в новом романе и категорически не желаю её видеть. Узнав всё это, тут же кинулся искать её – женщину, которую продолжал любить, как сумасшедший. Но прошло ведь не три месяца. Три года. Она уже собиралась замуж и ждала ребёнка. Я уехал как можно быстрее, и больше никогда не возвращался в тот город.

Да, вот такие дела... Затем были другие женщины. Мимолётные романы. Но любил ли я кого-то? Вряд ли. Моя жизнь сильно изменилась. Столько всего произошло! Был тяжёлый военный труд. Нередко – смертельная опасность. Вот и теперь неизвестно, сумею ли выбраться живым.

Я вздрагиваю, потому что память снова возвращает к недавним событиям...

...Как вы думаете, права ли известная всем истина, что

побеждает сильнейший? Я имею ввиду именно поединок. Схватку, в которой на кон поставлена жизнь. Правда ли, что верх одержит тот, кто физически сильнее? Не спешите с ответом. Сначала вспомните, что происходит в Природе.

К примеру, волк убивает корову. Да, так и есть, убивает... Но разве он сильнее коровы? Попробуйте сравнить их тягловые усилия, вес, размер. По этим показателям волк везде уступает. А какие у него клыки, скажете вы! Но вспомните, какие у коровы рога. Так в чём же дело? А дело не в клыках, рогах, когтях и мышцах. Всё дело в быстроте. Волк движется в несколько раз быстрее коровы. Именно это не оставляет бедняге никаких шансов. Быстрота позволяет хищнику жестоко расправиться с большим, сильным, но медлительным животным. Поэтому волк так опасен. И поэтому не так уж право утверждение, что сильный побеждает слабого. Нет. На самом деле быстрый побеждает медленного...

Итак, стоя на коленях, стараясь не слышать усмешек своих палачей, я творил Молитву, задавая мозгу программу на увеличение быстроты реакции и скорости сокращения мышц в несколько раз. Раньше такого никогда не делал, а потому не знал, что именно у меня получится, и получится ли вообще. Но это был последний шанс, и я ухватился за него, как утопающий за соломинку. Смерть стояла прямо за спиной, в буквальном смысле, в виде двух конвойных, ждущих, когда же трясущийся от страха враг перестанет бубнить свою абракадабру.

Наконец, Молитва закончилась. Я открыл глаза и осторожно посмотрел по сторонам. Это движение отозвалось резкой болью в глазных яблоках, но тогда я не придавал этому особого значения. А зря...

Один из стоящих сзади схватил меня за шиворот и рванул вверх, помогая подняться на ноги. Неужели получилось?! Всё происходило замедленно, будто в воде. Даже не в воде, а в ещё более густой субстанции, вроде сиропа. В ушах плавно перекачивался какой-то низкий гул. Поднимаясь, я развернулся в пол-оборота к моему палачу, вынул нож из его нагрудника и полоснул им по горлу воина, перерезав сонную артерию. Продолжая это движение, я сместился на полшага в сторону, перехватил нож лезвием вверх и глубоко вонзил его в глазницу второго конвоира. Тут же почувствовал резкую боль в плече, услышал характерный хруст. Это лопались связки. До меня, наконец, дошло...

Да, реакцию и скорость сокращения мышц я увеличил в несколько раз. Получилось! Но прочность и эластичность мышечных волокон и сухожилий остались на прежнем уровне. Их не изменишь так быстро. Да я об этом и не подумал, если честно... И вот теперь мозг посылал импульсы, в результате которых мышцы сокращались с такой скоростью, что не выдерживали и лопались. Я понял, что если не буду двигаться нарочито замедленно, то вскоре всё во мне порвётся, и я беспомощно рухну на землю. Медленно (как мне казалось) посмотрев по сторонам, оценил ситуацию и разрабо-

тал оптимальный план действий. Эти двое, которых я только что прикончил, всё ещё стояли возле меня, очевидно, только начиная догадываться, что что-то пошло не так. Первый отпустил мой воротник и медленно подносил руки к своему горлу. На его лице стало проступать удивление. Второй, с ножом в глазнице, так же медленно поднимал руки, заваливаясь назад. Я плавно шагнул, аккуратно снимая с него автомат, и развернулся к остальным.

Все были на тех же местах, где и прежде. В мою сторону смотрел только переводчик. Поднеся ко рту ложку, он собирался пробовать свою стряпню. Командир смотрел на него, очевидно, ожидая доклада о готовности ужина. Остальные располагались ко мне спиной. Я поднял автомат, перевёл предохранитель в положение для стрельбы одиночными патронами. Так сейчас целесообразнее.

Когда лицо переводчика появилось в щели прицела, оно уже выражало изумление. Я нажал на курок. В ушах из гула выплыл оглушительный звук выстрела и медленно угас. Но не только это было необычным. Автомат дернуло отдачей, я попытался как можно быстрее вернуть его в исходное положение, лишь чуть сместив прицел в сторону командира, и снова услышал хруст рвущихся мышц. Резкая боль пронзила обе руки. Так, помягче, помягче! Плавнее! Командир, видимо, среагировал еще на эмоцию переводчика, потому что мгновенно рванулся к оружию. Учитывая это, я выстрелил с упреждением в сторону броска, и пуля настигла его

прежде, чем он схватил автомат. Двоих воинов, помогавших переводчику готовить ужин и находившихся ко мне спиной, убил, не дав им возможности даже развернуться ко мне. Они ещё плавно опускались на землю, будто на морское дно, а я уже обстреливал место, где находились раненые. Оружие было при них, и оттуда вот-вот должны были начать стрелять. Правда, лежали они в темноте, за небольшими камнями, так что стрелял скорее наугад, не давая им высунуться.

Интересно, сколько прошло секунд с начала моих действий? Нужно вычислить точно. Тех противников, что рядом, я контролировал, но ведь были ещё двое, которые находились в дозоре. Эти представляли сейчас самую серьёзную опасность. Сколько нужно времени опытному воину, чтобы, услышав выстрелы в лагере, обернуться, удивиться, оценить обстановку, взять меня на мушку и выстрелить? Секунды две-три? От силы четыре... А я никак не мог понять, сколько же их, этих секунд, уже прошло и сколько осталось! Судя по количеству произведённых выстрелов, самое время.

Я постарался плавно, но упруго оттолкнуться ногами, совершая прыжок в сторону. Чёрт побери, как больно! Но связок, по-моему, не порвал. Краем глаза успел заметить два фонтанчика от пуль, прилетевших из темноты. Надо же, как вовремя! Приземляясь, перекатился через плечо, гася инерцию прыжка, встал на одно колено. Я знал, где находятся оба дозорных, понял, какой именно выстрелил и ждал реакции второго. Скорее всего, он теперь снова ловил меня в прицел

и должен был вот-вот прислать воздушный поцелуй.

Всё складывалось не так хорошо, как хотелось бы. Ошеломление от моей внезапности прошло быстро. Всё-таки, это не дилетанты... Да, я успел вывести из строя шестерых, но оставались четверо раненых, трое из которых вполне могли стрелять. И двое дозорных. Эти находились в отдалении, в укрытии, в темноте, и у каждого был прибор ночного видения. Долго скакать, изображая блоху на сковородке, я не мог. Кто-то из них всё равно попал бы в меня ещё до того, как я окончательно угробил сухожилия этими сумасшедшими кульбитами.

Вдруг послышался хлопок. Низкий, тягучий, но довольно характерный, чтобы я мог ошибиться. Граната! Предварительное срабатывание взрывателя с отстрелом чеки. Вот и хорошо... Ну, кидайте, кидайте! Пора снова прыгать! Граната вылетела из-за укрытия и по длинной параболе стала приближаться ко мне со скоростью воздушного шара. Прекрасно! Значит те, что бросили её, пока стрелять не будут. Пригнутся, ожидая разрыва.

Я выпустил из рук автомат, схватил подлетающий ко мне ребристый металлический шарик. Всем телом сопровождая траекторию полёта и постепенно меняя её, чтобы не искалечить руки, повернулся, гася инерцию. Кувыркнувшись, вскочил на ноги и рванул к костру по прямой, стараясь пружинисто, но без резких толчков работать ногами. Когда до цели оставалось метров пять, снова подпрыгнул как можно выше,

перелетел передним сальто через автоматную очередь, посланную мне наперерез дозорным. Метнул гранату, возвращая её хозяевам. У них уже не будет времени даже просто отбросить её. Сгруппировавшись, приземлился на корточки и тут же распластался, прижавшись к земле. Чёрт побери, ну где взрыв?! Сколько можно лежать на одном месте?! Подстрелят же! Как долго тянутся эти четыре секунды!

Мне необходимо было попасть к костру по трём причинам. Во-первых, здесь, в снаряжении командира, имелся третий «ночник» – прибор ночного видения, который я заметил ещё во время допроса. Во-вторых, к автомату переводчика был пристёгнут подствольный гранатомёт. Заряженный. Две этих вещицы были нужны мне позарез, чтобы закончить затянувшуюся полемику с дозорными! В-третьих, костёр горел довольно-таки хорошо и засвечивал их приборы наблюдения. Не то, чтобы сильно, но разглядеть меня в мерцании экрана возле яркого расплывчатого пятна было уже трудней.

Грохот разрыва. Наконец-то! Вспышка ещё сильней засветила приборы, на какие-то мгновения сделав моих врагов все слепыми. Несколько секунд в окуляре ничего не видно, кроме большого зелёного светового пятна. Я вскочил, схватил «ночник», лежавший возле ранца командира, включил и поднёс к глазам, став спиной к костру. Времени надевать прибор не было, я держал его левой рукой, а с правой выстрелил из «подствольника» по первому дозорному. Благодаря «замедленности» происходящего смог хорошо прице-

литься. Попал. Перепрыгнул через костёр и автоматную очередь, выпущенную вторым воином. Торопясь, сдирая ногти, зарядил «подствольник», выстрелил. Затем, уже не спеша, тщательно прицеливаясь, послал ещё по одной гранате каждому из дозорных. Для надёжности. Медленно опустился на землю...

Боль накатила с такой силой, что я чуть не потерял сознание! Прыгать и кувыркаться со сломанными рёбрами, раненой ногой и спиной было очень нежелательно. Скорее всего, я пропорол себе лёгкое об острые края сломанных рёбер, потому что боль была кинжально острой. Немного помогла инъекция обезболивающего, найденного в индивидуальной аптечке командира.

Мозг стал возвращаться в обычное состояние. Гул в ушах затихал. Реакция и скорость сокращения мышц приходили в норму. Я бросил в костёр допросный блокнот командира. Обошёл место побоища, собирая необходимые вещи: боеприпасы, медикаменты, снаряжение, пищу, воду. Радиостанция была прострелена навывлет и не работала. Я не стрелял в эту сторону, значит, её повредили ещё днём, в перестрелке. Жаль! Мне бы она пригодилась. Впрочем, есть и положительная сторона: их командование про бой ничего не знает. Следовательно, наш отряд пока искать не будут. И я смогу уйти подальше. Нужно отобрать только самое необходимое, чтобы суметь всё это нести.

Мне пришлось шарить в ранцах солдат. Если кто-то был

не убит, а ранен, я прекращал его мучения... Жестоко? Да. Война вообще жестокая вещь. Ещё и грязная. Прежде чем осуждать, подумайте, что сделали бы вы. Что вообще можно сделать в такой ситуации? Оказать медицинскую помощь? Разбить полевой лазарет? А может, остаться с ними в качестве медбрата? Благородно! Или просто уйти, оставив в живых свидетелей моих «превращений», обеспечив себе скорую погоню? А дальше что? Не знаете? Вот то-то же... В глубинной разведке свои законы.

Командир был ещё жив, но уже не мог двигаться. Прерывисто дыша, он наблюдал за моими действиями. Я подмигнул ему, хотя знал, что ещё рано праздновать чудесное спасение. Сначала надо собрать всё, что необходимо, и побыстрее покинуть это место. В таком состоянии далеко не уйти. Значит, где-то часа через два-три придётся залечь в хорошо замаскированную лёжку и провести там суток двое, не меньше. Пока Молитва не излечит мои раны настолько, чтобы я смог продолжить путь. Для метаболизма повреждённых тканей потребуется строительный материал – придётся много есть. Сухого пайка полно. Только вот как побыстрее срastить сломанную челюсть, чтобы суметь жевать? Я уже знал ответ на этот вопрос, и он заставил меня зябко поёжиться...

Потом, когда смогу более-менее нормально передвигаться, я направлюсь к горному хребту, у подножия которого сейчас нахожусь. Потрачу на это ещё сутки. Стану подниматься к одной из его вершин до границы таяния снегов.

Восхождение займёт ещё двое суток, но их можно вытерпеть и всухую, видя впереди вожделенную цель... Значит, воды мне нужно взять с собой всего на трое суток. А вот концентрата питания намного больше. Там, где я надеялся залечь надолго, с водой проблем не будет. Там повсюду снег. Буду молиться и спать. Спать и молиться...

Ещё раз проверил все, что собрал в поклажу. Командир наблюдал, как я подошёл к одному из его людей. Воин был без сознания, но ещё дышал. Я удивился иронии Судьбы, узнав того, кто сломал мне челюсть. Кардиолог хренов! Тебе больше не вырезать вражеские сердца. Расстегнул ему воротник и достал нож. В конце концов, он сам в этом виноват! Благодаря его удару я не могу есть, но могу пить. Поособому вздохнул несколько раз, чтобы исключить приступ тошноты. Надрезал артерию на его горле и быстро прильнул ртом, с жадностью втягивая в себя хлынувшую из раны тёплую солоноватую жидкость...

Когда пить уже больше было нечего, я поднялся, вытер рукавом губы и встретился взглядом с командиром. Тот, вероятно даже забыв про боль, с ужасом смотрел на меня, не замечая ствол автомата, нацеленный ему в лицо.

Скорее всего, взгляд мой действительно был страшен. От слишком резких движений капилляры в белках глаз полопались и густо залили их кровью. Поэтому теперь, в свете костра, мои глаза выглядели сплошными чёрными провалами. Ну, или что-то вроде того...

«Вот так и рождаются легенды о демонах Пустыни, – подумал я. – Если бы кто-то из этих несчастных выжил, он дал бы богатую пищу для новых суеверий. Но Удача оставила их навсегда...»

Приторочил поклажу к ранцу, надел его, застегнул все ремни. Попрыгал, скорее по привычке проверяя, не звенит ли что. Сориентировался по звёздам, выбрал направление. Сделал шаг в сторону командира.

– Не унижайте чужих воинов, – произнёс я на его родном языке и нажал на курок...

Буран идёт на убыль. Завтра, скорее всего, будет тихо и солнечно. Нужно собираться в путь. Я много думаю за эти дни вынужденного ничегонеделания. О многом размышляю.

Почему-то не даёт покоя вопрос, заданный командиром вражеского отряда. «Ты хотя бы задумывался, для чего родился и жил на свете?». Задумывался ли я? Пожалуй... Как же не размышлять о таком время от времени? И теперь, лёжа здесь, на скалистой площадке, давно погибший для всех, оставшись наедине с Пустыней, я снова думаю об этом. Подолгу смотрю в звёздное небо по ночам, гляжу в бездонную синеву ясными днями, разглядываю величественные седые пики гор. И думаю...

Правду ли ответил я тогда? Что же ты такое есть – Жизнь?

И зачем мы приходим в мир, если всё равно уйдём? Какой в этом смысл? Всё живое смертно. Чудовищная несправедливость! Нет, если думать о биосфере в целом, то всё понятно: бессмертные существа, бесконечно плодясь, переполнили бы планету. Так что, вроде, мир устроен правильно. В том плане, что все рано или поздно умирают, освобождая место следующим поколениям. Но это пока ты сам не подошёл к черте...

И вот тут-то всё существо, каждая твоя клетка восстаёт, вопит об одном-единственном непреодолимом желании. Жить!!! А Смерть представляется таким жутким, таким абсурдным явлением, что её просто не должно быть! По крайней мере у тебя. Но она, увы, есть... Как это ни печально. Так зачем всё на свете? Зачем я существую? Зачем существует мир? Мудрецы всех эпох пытались ответить на эти вопросы. Интересно, кто-нибудь отыскал Истину? Не знаю. Я не мудрец. Я – солдат. Пытаюсь понять мир, как могу.

Говорят, на войне нет атеистов. Это не совсем так. Да, я видел, как люди, ранее посмеивавшиеся над верующими, на войне сами начинали верить в Бога. Носили при себе предметы религиозного культа и шептали молитвы перед боем. Таких было немало. Но были и те, которые, насмотревшись ужасов войны, напротив, разубеждались в существовании Бога окончательно и бесповоротно. Логика их был проста. Очень много творилось, творится и, увы, будет ещё твориться на свете зла. Жуткого зла! Слишком много, чтобы до-

пустить вероятность существования Создателя, ответственного за всё это. Знаете, я с ними согласен. Я тоже атеист. Считаю, что после смерти мы просто исчезаем. Перестаём быть... Страшно становится от этого? Да. Очень! Многие на подсознательном уровне отказываются признать возможность Небытия. Не могут себе представить, каково это. А это просто. Я ведь знаю, был в состоянии, когда меня не было.

Несколько лет назад. Контузило в бою, присыпало землёй. Не совсем, конечно. Я не задохнулся. Нашли меня через два часа. Откачали. Обошлось... Так вот, перед тем, как рядом со мной разорвался снаряд, я стрелял из автомата. Помню, перехватил цевьё не в том месте и обжёг ладонь. Разрыва уже не воспринял. Не успел... Очнулся от резкого запаха нашатыря. Санитар в чувство привёл. Ну, понятно, накатила боль. Полный рот земли, в ушах звон. Сильная тошнота. Это, как я сказал, через два часа после разрыва снаряда.

А знаете, каковы были мои ощущения? Стреляю, жму на курок. Перехватываю автомат поудобнее. Внезапная боль от ожога ладони и тут же сильный запах нашатыря. Тут же, понимаете?! Без паузы. Вот в чём дело! Вот она – Смерть! Если бы не отыскиали меня, не привели в чувство, так бы и не было больше ничего. Ожог ладони и всё... Дальше ничего нет. И меня нет. Да что я говорю, вы и сами не раз бывали в таком состоянии. Не верите? Вот было с вами такое, что вы спали, и ничего не снилось? Было? Так ответьте, где вы находились в это время? Ваше сознание, ваше «Я». Душа,

как многие называют. Не знаете где? А я отвечу: нигде! Вас просто не было.

Так в чём же смысл? Зачем я живу, если потом меня не станет? И не будет больше никогда. Неужели никакого смысла на самом деле нет? Обидно...

Правда, слышал я ещё теорию про Единое Информационное Поле. Кое-кто отождествляет его с Богом. Не согласен. По моему мнению, это самое поле берётся как раз из условия ограниченного количества вещества во Вселенной. Непонятно? Поясню. Вот, к примеру, откуда взялся я? Да нет, я знаю в общих чертах всю схему процесса зачатия, развития эмбриона, рождения. Не про то речь. Чтобы расти, нужно был есть. Это естественно. Откуда же ещё организму брать строительный материал для создания новых клеток, как не из пищи? Да вот взять хотя бы совсем недавний случай. Я выпил кровь того бедняги, несостоявшегося кардиолога, чтоб у меня побыстрее срослась сломанная челюсть. Организм переварил клетки его крови. Что-то осталось во мне, что-то вышло с отходами. Так во мне теперь оказались частицы, которые раньше были в нём. Составляли его. Если бы хозяин местной территории – снежный барс – проявил чуть больше решимости в свой первый визит, то непременно прикончил бы меня. И с наслаждением сожрал. Часть меня стала бы им, ещё часть перешла бы в птиц, которым барс позволил попозже обглодать падаль. Даже кости моего скелета, омываясь дождями, снегами, обдуваясь ветрами, постепен-

но отправляли бы в мир микроскопические частицы меня. Вернее, того, что было когда-то мной.

Что случилось бы потом с тем барсом, птицами, предугадать нетрудно. Дикая матушка-природа не балует своих созданий спокойными уходами. Почти каждый из них заканчивает жизнь в чьей-то пасти. Этот процесс поедания друг друга практически бесконечен. Так молекулы, из которых состоит всё, постоянно циркулируют в Природе.

А если вспомнить, что их количество на планете огромно, но всё же конечно, то могу себе представить, откуда собрались все те молекулы, которые составляют на сегодняшний день меня. Впрочем, нет. Не могу. Ведь с незапамятных времён всё постоянно переходило во что-то, было какое-то время чем-то или кем-то. Затем снова распадалось, разносилось в разные концы света, становясь там уймой других существ и вещей. Может быть, даже через тысячи лет молекулы, составлявшие когда-то кого-то конкретного, снова оказывались рядом. В чьём-нибудь организме. В человеке, или в цветке. Но они вряд ли могли сказать друг другу: «О, привет! Сколько лет, сколько зим! Рассказывай, где тебя носило...»

Нет. Молекулы – это всего лишь кирпичики. Они не думают и не говорят. Это всё равно, что, к примеру, аккуратно разобрать старое здание солдатской казармы и построить из высвободившихся кирпичей театр и скотобойню. Потом, через много лет, разобрать и их, добавить ещё кирпичей, привезённых издалека, и построить длинный забор. Ну и как вы

думаете, будут кирпичи обмениваться впечатлениями о пережитом? Нет, конечно.

Разве только в детской сказке. Так вот, о сказке...

Я снова хочу вернуться к теории Единого Информационного Поля. Понятно, что, говоря о кирпичах, имел ввиду молекулы, из которых состоит всё. А вернее будет – не молекулы, а атомы. Это не столь важно. Важно то, что они постоянно перемешиваются в этом огромном котле под названием планета Земля, и обеспечивают бесконечность Жизни. Жизни не отдельного индивидуума, а всей в целом. Жизни, как таковой. Кстати, в этот «суп» иногда попадает приправа извне в виде метеоритов и прочих «гостей» из Космоса, но сейчас не об этом.

О так называемом Едином Информационном Поле. Представьте себе, что каким-то образом удастся считать с кирпича в заборе информацию о всех местах его пребывания. Тогда вы узнаете и про казарму, и про театр со скотобойней. А считав информацию с элементарной частицы, сможете проследить все её приключения. Узнав историю каждой из множества частиц, составляющих ваше тело, узнаете об этом мире так много, что почувствуете себя всеведущим божеством. Некоторые это так и называют – память Бога.

Когда-то мой друг поведал мне свои мысли по этому поводу. Года четыре назад. Мы входили в одну разведгруппу. Вышло так, что я был обязан ему жизнью. В нашей профессии это не в диковинку. Помню, перед выходом на задание

мы говорили как раз обо всём таком. Любил он, знаете, всякую философию с мистикой... И он сказал мне, что много думал, как же найти способ считывать эту самую информацию с «кирпичиков».

Я тогда был занят подготовкой снаряжения и слушал в пол-уха. Сейчас жалею. Очень. Потому что на следующий день его не стало... Так вот, он говорил что-то о Времени. Вернее, о манипуляциях с Временем над каждой частицей. И что-то ещё о шаманских заклинаниях какой-то древнейшей культуры. По-моему, где-то в Гималаях. Я подшучивал и отвечал невпопад. А на следующий день в бою очередью разрывных пуль ему разворотило грудную клетку. Он умер мгновенно, густо оросив кровью талый снег весенней степи...

Сейчас я думаю, что эта кровь дала питание корням полыни, и та бурно проросла на свет, неся в себе часть его. Частицы моего друга... Где ты теперь, воин? Понятно, твои «кирпичики» путешествуют по всему огромному миру. В чём и в ком теперь их только нет! Но ведь и до тебя они где только не побывали. Так будет и со мной. С каждым из нас...

А ещё я часто вспоминаю атеистическую лекцию командира чужого разведотряда. Он правильно определил причину возникновения учения о существовании бессмертной человеческой души. Страх. Жуткий страх каждого уйти в Небытие. Потерять свою индивидуальность. Перестать быть.

Так что же мне всё-таки нужно понять, пока живу на све-

те?

Буран закончился. Завтра в путь...

* * *

Уже третьи сутки я скрытно веду наблюдение за блокпостом, оборудованным на дороге у выезда из горного туннеля. Личного состава там немного. Один средний чин и четверо рядовых. Я неслучайно выбрал именно этот объект. Ещё отправляясь на задание, мы выучили наизусть подробную карту местности, расположение частей и застав всех контингентов войск государств, заявивших своё присутствие в регионе.

Этот блокпост подходит мне по нескольким причинам. Он расположен на значительном удалении от своего базового лагеря, личного состава немного. Движение на дороге с натяжкой можно назвать оживлённым. И на мне обмундирование как раз этой армии. Из своего логова на высокогорье я шел сюда четверо суток. Надеюсь, что не зря...

Пост представляет собой небольшое строение из бетонных блоков и заполненных грунтом снаряженных ящиков. Сверху натянута маскировочная сеть. Шлагбаум перекрывает бетонную полосу проезжей части у самого выезда из туннеля. Всё это размещено на маленькой площадке у края обрыва, вдоль которого проходит дорога. Внизу, на дне ущелья, шумит горный поток.

Провизия у меня закончилась ещё до того, как я покинул свою лёжку. Двигался преимущественно в темное время, используя трофейный прибор ночного видения. В пути ел то, что мог добыть в Пустыне. Под конец поймал довольно крупную змею, так что голод был утолён, а проблем с водой возле этого поста вообще не было. Только бы удалось осуществить то, что задумал!..

...Ночь. Осторожно приближаюсь к посту. Позавчера на нём была пересменка. Как и предполагал, службу здесь несут из ряда вон... И ведь не боятся! За время наблюдений я составил себе довольно ясное представление о морально-боевых качествах этих солдат. Разгильдяи! Вчера до поздней ночи с поста несло нестройное хоровое пение, не оставляющее никаких сомнений в степени боевой готовности всего творческого коллектива. Днём я с сочувствием наблюдал последствия ночного концерта, тяжким грузом лёгшие на исполнителей.

Как можно так нести службу?! Впрочем, я знаю, что солдаты этой армии никогда не отличались железной дисциплиной, находясь в отрыве от командования. Тем более, что в этом районе всеми сторонами достигнуты некоторые договорённости, благодаря которым здесь уже давно стало скучно. Но, всё равно, у меня в голове не укладывается! Ведь боевые действия в регионе. Как можно так пренебрегать элементарной осторожностью?! Впрочем, сейчас мне это толь-

ко на руку.

Скорее всего, смена состава блокпоста происходит раз в неделю. Значит, до смены ещё дней пять. Прислонившись к бетонному блоку стены, прислушиваюсь. Так и есть: спят все. Даже тот, который должен сейчас нести службу, тихо сопит, закутавшись в бушлат. Утомились, бедняги, за жаркий день. Бесшумно двигаясь, проникаю на блокпост. В зеленоватом свечении прибора ночного видения всё кажется нереальным, как в каком-то старом фантастическом фильме.

Вот и первая цель моего визита – радиостанция. Прекрасно! Такая, как я и предполагал. На ней возможно вести радиообмен как в голосовом, так и в телеграфном режиме. Как раз он-то, этот режим, мне и нужен. На связь с базой эти «орлы» выходят по графику. Остальное время радиостанция отключена, чтобы беречь заряд аккумуляторов. Выкручиваю ручку настройки громкости до нуля. На всякий случай плотно прижимаю наушники к бедру. Медленно, чтобы не было щелчка, включаю тумблер. Не хочу, чтобы внезапное шипение наушников разбудило часового. Нет, если даже проснётся весь пост, мне это мало чем грозит. Несмотря на своё нынешнее состояние, я без труда перебею их в рукопашной. Отработаю одним лишь ножом, чтобы не оглашать выстрелами округу. И никаких «Молитв» не потребуется. Но не хочу этого делать...

Вообще, при выполнении заданий я, как и все наши, до последнего стараюсь обходиться без убийства. Эти парни не

виноваты, что оказались на моём пути. Впрочем, как и те, к которым наш отряд попал в засаду. Во всём виновата война. Но тех, в ущелье, я должен был ликвидировать. Ничего не поделаешь... А бывает и наоборот. Встречаются подонки, которым просто нельзя жить на этой земле, но приходится оставлять их в живых. Как говорится, исходя из оперативной обстановки.

На всю жизнь раной в моём сердце останется случай... Произошло это в одном из боевых выходов в глубокий тыл противника. Я вёл скрытое наблюдение, замаскировавшись в полуразрушенном сарае так, что меня невозможно было обнаружить даже с расстояния в несколько шагов. Никто из бравых вояк, расположившихся лагерем на опушке леса, даже не подозревал о моём существовании. И вот трое из них притащили в сарай связанную девчонку. Как она к ним попала, не знаю. Совсем ещё ребёнок. Маленький перепуганный зайчонок...

Она всё время плакала и умоляла отпустить её. Эти звери привязали девчонку буквально в пятнадцати метрах от меня. В течение дня они, осатаневшие от наркотиков, насильовали и истязали беззащитное существо, у которого не осталось ни сил, ни духа к сопротивлению.

Девочка напоминала тряпичную куклу, с которой делали всё, что угодно. Если её рука или нога неудобно подворачивались при перевороте тела, то так и оставались в неестественном положении. Похоже, она уже плохо соображала,

что происходит, и лишь жалобно скулила, зовя маму. А потом они посадили её на кол. Дико хохотали. Она умирала несколько часов...

Помню, как я до крови прокусывал свою ладонь, скрипел зубами, но ничего не мог сделать. Ни-че-го!!! Вернее, не имел права. Называйте меня, как хотите! Я не могу рассказать вам всё. Скажу лишь, что, сорвись тогда, прикончи этих «героев», обязательно раскрыл бы себя. По-другому там не получалось. Это повлекло бы неминуемую гибель всей нашей группы, действующей в районе. Всех семи человек. И ещё связного – законспирированного агента – давно работающего здесь.

Но и это не всё. Главное, что задача была бы не выполнена. И события в том регионе пошли бы не так. А это значит – крупномасштабные боевые действия. Сколько погибло бы людей? Сколько невинных мирных жителей? В том числе таких вот детей. В общем, считайте меня кем угодно, выдать себя я не мог. Не из страха за свою жизнь. Можете верить, можете – нет. Задание, которое мы тогда выполнили, позволило в кратчайшие сроки погасить разгоравшийся локальный конфликт...

Потом, спустя неделю, я стоял навтыяжку при награждении, слушая короткую похвалу высшего командования нашего Ведомства. И никак не мог отделаться от ощущения, что до сих пор лежу там, в разведке, окаменевший, с прокусанной до кости ладонью... Я оставил тех нелюдей жить на

белом свете. А жить они были не должны. Просто не имели права! Их поступок нельзя было оправдать моралью ни одной из воюющих сторон. Вообще ничьей моралью! Они заслужили только смерть. Но вот живут же где-то...

Кстати, после этого случая до меня вдруг дошло, почему штатный психолог, работающий с каждым из нас после возвращения с заданий, весь седой, как лунь...

Итак, убивать здесь никого не собираюсь. Да и для воплощения моего плана эти парни нужны живые. Радиостанция включена. Сразу же вращаю ручку, уходя с рабочей частоты. Там, на их базе, радиостанция постоянно работает на «приём». На узле связи круглосуточно дежурит смена. На случай, если какой-нибудь из блокпостов начнёт бой и запросит подкрепление. Разумеется, тогда никто не станет дожидаться своего запланированного времени выхода в эфир. Я даже не смотрю, на какую частоту поставил шкалу. Мне это не нужно. Сеть наших замаскированных ретрансляторов охватывает весь регион. Они давно заботливо зарыты вдоль дорог и караванных троп. Их еле заметные кривые проволочки-антенны торчат в кустиках колючки, неотличимые даже при близком рассмотрении. Сигнал, посланный мной, будет немедленно подхвачен и передан на спутник. А как же частота, спросите вы? В том-то и дело, что наша аппаратура слушает сразу все частоты. Весь радиоэфир. Такая техника...

Затем, уже со спутника, сигнал поступит на центральный узел связи Ведомства. Там постоянно на приёме компьютер.

Между собой мы зовём его Бессонная Вдова. Действительно, есть что-то трогательное в этом вечном ожидании сигнала от пропавших без вести разведчиков. Последний приют Надежды... Вдова слушает всё. Но только приняв условный код, машина мгновенно начнёт записывать поступающую информацию. И отправит доклад дежурному офицеру.

Тихонько, стараясь громко не стучать ключом, передаю в эфир сигнал. Свои позывные. Затем условное обозначение квадрата, в котором расположен блокпост. Краткую информацию. Через минуту повторяю снова. Осторожно отключаю рацию.

Ну, вот и всё... Я не погиб. «Единственная любовь моя, ты слышишь?! Я всё ещё жив!» На мгновение вижу её глаза. Проваливаюсь в них, тону. Память высвечивает смеющееся счастливое лицо, развевающиеся на ветру волосы. Сердце сжимается и перестаёт биться. Коротко встряхиваю головой. Всё! Я – живой...

Представляю, как сейчас скидывается от зуммера Вдовы полусонный дежурный. Через минуту, проверив информацию, он начнёт срочно обзванивать тех, кого положено в такой ситуации. Вскоре о моём появлении будет доложено высшему руководству. Это здесь у меня вот-вот забрезжит рассвет, там же ночь только наступила. Но люди примчатся в Центр, чтобы немедленно начать разрабатывать спасательную операцию.

Неужели скоро всё закончится? Не буду загадывать...

Пора возвращаться. Небольшая ревизия тыловой службы блокпоста, проведённая на скорую руку, позволила мне выявить излишки продовольствия в этом подразделении. В частности, я посчитал, что просто обязан изъять две большие банки мясных консервов из ящика с продуктами. В наказание всего личного состава за отвратительное несение службы. Вместо взятых банок я ставлю в ящике на нижнем ярусе вверх дном две такие же, но пустые, найденные мной в куче мусора ещё на подходе к блокпосту. Порывшись в их аптечке, реквизирую некоторые препараты и шприц. Прихватив одноразовую бритву с полки возле умывальника, я тихонько покидаю пост.

Пора возвращаться на свою лёжку. Поток в ущелье заметно обмелел. Все горные реки мелеют в этот час. Поэтому их и рекомендуется переходить перед рассветом. Что ж, мне осталось подождать ещё пару суток. А там поглядим...

...Эти двое суток я также провёл в наблюдении и детальной проработке плана своих действий. Если мои расчёты верны, то уже сегодня на военную базу, от которой выставлен блокпост, прибыл кто-то из наших. Интересно, под какой легендой? Впрочем, не столь важно. Это будет человек из Ведомства, которого я должен знать в лицо. Иначе никак...

И вот, назначенное утро... Получится ли? Я занял позицию недалеко от въезда в тот самый туннель, у противоположного выезда из которого находится блокпост. За всё

время наблюдений присмотрел санитарную машину, которая ежедневно проезжала мимо поста. Не думаю, что она каждый раз везла куда-то больных и раненых. Повторю, это довольно-таки спокойный район. По той же причине машины могли передвигаться здесь не в составе колонн, а мелкими группами, или даже поодиночке, как эта. Скорей всего, «санитарку» зачастую просто использовали в хозяйственных нуждах. Правда, жесткого графика движения у неё не было, так что мне пришлось быть готовым с самого утра.

Я лежу на крохотной скалистой площадке, с которой дорога просматривается довольно далеко. Здесь глубокая тень от скалы, и ещё сохранился ночной холод. Это, пожалуй, единственное подходящее место. Свой наблюдательный пункт я замаскировал колючками так, что снизу, с дороги, меня трудно заметить. Набрал немного колючек себе на спину и ноги. От наблюдения с воздуха.

Хотя, если на сегодня запланирована проводка колонны, меня засекут с вертолётá, пролетающего на малой высоте над дорогой. Это делается специально, чтоб обнаружить засаду. Можно, конечно, свернуться калачиком, обложиться колючками. Но опытный наблюдатель отличит. Тогда я пропал... Так что, будем надеяться на лучшее. Точнее, не надеяться, а верить. Верить в Удачу... А с пролетающих высоко над горами вертолетов меня вряд ли разглядят. Да и не летают они здесь часто.

Зато наш спутник наверняка сканирует этот квадрат по-

сле моего радиоэфира. Компьютер обрабатывает картинку. Так что, пожалуй, на одном из больших экранов Центра боевого управления я сейчас во всей своей красе. На соседних мониторах, наверняка, дорога, блокпост, базовый лагерь воинской части, от которой этот пост выставлен.

Осторожно освобождаюсь от колючек и переворачиваюсь на спину. Смотрю прямо в зенит. Жестами на языке глухонемых начинаю объяснять свой план. Представляю, как напрыглись сейчас люди, вглядываясь в экран.

Интересно, кто руководит операцией? И хорошо ли меня видно? Если всё идёт без сбоев, то они различают сейчас даже то, что мои щёки и подбородок светлее остального лица, потому что сегодня под утро, у ручья, я сбрил бороду почти месячной давности. Всё-таки, что-что, а шпионская техника в нашем Ведомстве самая передовая. Кстати, надо бы немного присыпать физиономию пылью... Повторив ещё пару раз свою пантомиму, снова переворачиваюсь на живот и маскируюсь. Не прошляпить бы мою цель...

Как же долго тянется время! А если «санитарка» появится только к вечеру? Или вообще не проедет сегодня? Если наши не получили сигнал, и все мои кривлянья были сейчас, в прямом смысле, в пустоту? А я уже начну действовать. Что ж, тогда придётся выбираться из новой передраги и опять скитаться по Пустыне. За всё время, что лежу здесь, по дороге проехала маленькая колонна из пяти военных грузови-

ков в сопровождении двух единиц бронетехники, с десятков одиночных гражданских грузовых и легковых машин, один старенький автобус, битком набитый местными жителями.

Солнце жжёт неимоверно! Оно переместилось теперь так, что от тени осталась лишь ностальгическая тоска. Медленно накаляюсь вместе с поверхностью скалы. Такого я не предвидел... Машина всегда проезжала здесь до полудня. А сегодня, видимо, сработал пресловутый "закон подлости". Воды с собой я не взял. Вообще, пришел сюда налегке, без оружия и снаряжения. Так нужно для легенды. Интересно, сколько потребуется времени, чтобы из меня получился хорошо прожаренный бифштекс? А ведь Солнце всего лишь на полпути к зениту...

Дорога, змеёй петляющая среди гор, дрожит в знойном мареве горячего воздуха и кажется раскалённой, ослепительно белой полоской серпантина. Неужели «санитарка» проедет после полудня? Выдержу ли долго на этой сковородке? Так ведь можно и сознание потерять от теплового удара! И тогда точно – конец... Всё-таки, измотан я порядком. Ничего, только б выбраться!

В нашем госпитале не врачи, а волшебники! Думаю, не обойдётся без нескольких операций. Сломать неправильно зажившие рёбра и соединить их, как надо. Распороть и заново сшить порванные пулями мышцы ноги и спины. Не знаю, в каком состоянии мои сухожилия и связки... В заключение

обязательные косметические операции по удалению шрамов на теле. Таким, как я, нежелательно иметь особые приметы. Я видел, что могут наши пластические хирурги. Сказка!.. Ну, и Молитва, конечно же, сильно поможет. Только бы всё получилось!..

...Судя по тени от моей руки, Солнце сейчас в зените. Я медленно умираю... Надо же, как всё глупо! Столько пройти! Столько суметь и – вот...

Неподалёку от меня, на дороге, остановилась легковая машина. Старая, почти разбитая. Как она вообще ездил?! Возле неё копошатся четверо местных жителей. У двоих автоматы. Двое разбираются в двигателе. Вернее, пытаются. Уже очень долго... И всё это время я вынужден лежать почти без движения под невероятно жарким Солнцем. Не могу выйти к ним. Конечно, то, что я сейчас без оружия, мало что меняет в раскладе сил.

Если выйду, они не пристрелят меня сразу, а, взяв на прицел, заставят подойти ближе. В этом районе явного противостояния между гарнизоном и местными жителями нет. Однако, они либо доставят меня на блокпост, либо захотят украсть. С целью получения выкупа, рабства или просто, чтобы убить потом по приказу своего лидера. Так что к себе они меня подпустят обязательно. И не успеют даже удивиться тому, что произойдёт несколькими мгновениями позже... Но я не стану этого делать. Во-первых, нахожусь сейчас не

на выполнении задачи. Эти люди не виноваты, что встретились мне на пути. Я не убиваю без крайней надобности. А во-вторых, у меня совсем другой план.

Приближаюсь к тепловому удару. Какая насмешка Судьбы! Горькая шутка Удачи. Моей Удачи... Я ведь всё время верил в неё. Только в неё! Всегда считал себя атеистом. Я объяснял, почему. Но в Удачу верил. Как язычник! Вообще, многие из моих соратников вот так тихонько верят во что-то. Помню, наш инструктор по рукопашному бою как-то сказал, что лучшие воины были только в древности. И только язычники. Может, он и прав... Я верю в Удачу.

Потому что всем на свете правит Его Величество Случай. И никто другой. Это по его воле происходит одно событие из нескольких возможных. Только по его! Во всех аспектах Бытия и, в частности, человеческой жизни. Но Случай, увы, слеп. Иначе он не был бы собой. А вот за руку его ведёт самая желанная, самая красивая женщина – Госпожа Удача!.. Сколько раз ты выручала меня! Почему же теперь так?! Когда я почти уже выбрался. Почему?!

Перед глазами плывут тёмные пятна. Горы приобрели какой-то фиолетовый оттенок. Меня мучит сильная жажда. Всё дрожит в струях знойного воздуха. Чёрт побери! Ну почему я не спёр у тех идиотов с блокпоста нашатырь?! Ведь он был в аптечке. Сейчас я потеряю сознание. Всё провалится куда-то в бездну, и я умру... Не увижу больше никогда этот прекрасный, жуткий, красивый, жестокий, удивитель-

ный, добрый мир! И не исполню всего, что должен был. А откуда я знаю, что именно должен сделать? Ну, мало ли?.. Я ещё молодой. Всякие планы были. Должок один остался, кстати... Только недавно вспоминал.

Ведь я так и не смог найти хоть сколько-нибудь весомые аргументы в пользу того, что те три выродка, замучившие девчонку, имеют право на жизнь. Сколько ни думал, ничего не получилось! Их не стоит оставлять среди живых. Знаю, что нам нельзя этого делать. Знаю, что не имеем права на сантименты. Однако мне известно, какая именно часть стояла в том районе. Они говорили между собой, и я даже вычислил их подразделение, звание и фамилию командира. Ну, а уж лица! Не забыть... Для человека моей профессии не составит особого труда даже через несколько лет, будучи в отпуске или уже в отставке, приехать в их страну, узнать место дислокации части, тихо, не торопясь, наладить связи с кадровыми работниками и получить доступ к архивам.

Вы ведь знаете – есть несколько видов гипноза. Нас обучали так называемому «уличному» гипнозу. Ещё его называют «цыганским». Сильная штука, скажу я вам! У меня неплохо получается. А видели бы вы, что может наш командир!.. Так что доступ к картотеке с личными данными – не такая уж невыполнимая задача. Дальше – дело ясное. Каждого из этих ублюдков, где бы он ни находился, я обязательно навещу... Представляю, как будут потом ломать головы местные детективы: что это за ритуальные убийства – путём посаже-

ния на кол?

Я знаю, что это плохо. Что нельзя жить жаждой мести. Мечь – вообще плохое дело. Она не приносит облегчения. Знаю... Но вот такой у меня должок. Всего лишь дело неза-
конченное. Неужели не завершу?

Чувствую сдавление в области сердца. Голова болит невы-
носимо! Ноют спина и конечности. Перед глазами пляшут
чёрные мушки. Иногда мне кажется, что горы и утёсы вдруг
начинают рывками передвигаться.

Чёрт побери, обидно! Ну почему человек так не приспособлен к жизни?! Почему он умирает, стоит ему попасть в чуть более суровые условия? Да и вообще, даже живя в комфорте, со временем он всё равно умирает. И не только человек, всё живое уходит. Рано или поздно. Почему Смерть, в конце концов, перечёркивает Жизнь? Как неправильно решённую арифметическую задачу в школьной тетрадке. Как неграмотно написанную фразу. Как нелепую ошибку. Всегда! Почему?! Что, жизнь – ошибка? Любая? Выходит, так. Раз финал у всех одинаков...

...Да, шансов выжить почти никаких! Если остаться здесь, умру наверняка. Очень скоро. Минут пятнадцать, как эти горе-водители уехали. Надо вставать...

Еле волоча ноги, спускаюсь на пустую дорогу. Ложусь поперёк полотна. Будь, что будет! Кто-нибудь, да подберёт. Рано, или поздно... А лежать совсем не жёстко. Даже удобно

как-то... Надо было давно сюда спуститься. Что за запах? Вот буду так и лежать здесь. Сильный запах. Может, даже не успею умереть. Чёрт, как сильно-то! Бьёт прямо в нос! А если и умру, так хоть увидят, зароят. Не буду вонять на всю округу. Ну что за невыносимый запах?! Аж в носу больно! «Дыши! Дыши! Сделай глубокий вдох!» Это ведь кто-то орёт. Всё же жаль, что сдохну... Дорога пустынна. Смотрю по сторонам и вижу лишь раскалённое бетонное полотно. Ни одной машины. Никого. «Дыши-и-и!» Да кому орут-то?! Мне, что ли? Кто-то очень навязчивый. Ну, пожалуйста вам, вдох...

Ох, ты!!! Ух!!! А-а-а!!! Кинжальный удар через нос прямо в мозг! В самую глубину, в мякоть! Больно-то как!!! А, чтоб вас!.. Нашатырь... Слышу, как кто-то кричит мне прямо в ухо, чтоб я дышал. Да всё, всё, дышу... Отворачиваю лицо. Где я? Когда? Помню, что стрелял из автомата. Обжёг ладонь. Потом разрыв снаряда. И вот теперь – запах нашатыря. Да, меня контузило и присыпало землёй. Так и есть. Я пролежал два часа. Помню... Снова нашатырь в нос! Да убери ты! Впрочем, что-то не сходится... Откуда я знаю, что пролежал именно два часа? Кто мне сказал об этом? Ясно кто – санитар. Когда помогал мне идти. Куда идти? На блок-пост, куда же ещё? По этой дороге. А зачем? Стоп!!! Здесь явно что-то не так...

Прислушиваюсь к разговору находящихся рядом людей. Говорят на языке той армии, в обмундирование которой

я сейчас одет. Это хорошо... Человек, склонившийся надо мной, говорит куда-то в сторону: «Он почти в коме. Зрачки не реагируют на свет. Потоотделение отсутствует. Дышит часто, поверхностно. Скорей всего, солнечный удар». Слышу раздражённый ответ: «Ну, так принеси гипотермический пакет из аптечки! Облей голову и грудь водой. Надо заставить его пить».

Да-да парни! Пить!!! Дайте мне пить!..

Память полностью возвращается. Хотя где-то в уголках разума всё ещё мечется сомнение. А вдруг я нюхаю нашатырь после той контузии? Меня приводит в чувство санитар. И все годы, что были после, лишь приснились только что, в этом обмороке. Ещё немного, и прихожу в себя полностью. Чувствую большую слабость. Это плохо... Понимаю, что лежу в тени большого автомобиля. Поднимаю глаза. «Санитарка»!!! Ах ты, радость моя! Где ж тебя носило, стерву?!

Мне квалифицированно оказывают помощь, поят водой, и я быстро прихожу в себя. Их двое: средний чин и рядовой. Он же водитель. Как я и предполагал, ни раненых, ни больных в машине нет. Слышу, как старший докладывает куда-то по портативной рации, что найден солдат, по виду свой, без документов и без сознания. Плохо! Но, что ж, этого и следовало ожидать. Нечего было разлёживаться у них под ногами без сознания! Злость и профессиональный азарт потихоньку возвращаются ко мне. Надо же – шлёпнулся в обморок!.. Как впечатлительная девственница, из любопытства зашедшая в

музей восковых фигур на эротическую экспозицию аномалий человеческого тела. Нужно было раньше соображать и действовать. Идиот! Теперь про тебя доложено в базовый лагерь. Это в твой план никак не входило. Ладно... Пока ещё не всё потеряно.

Меня хотят затащить внутрь машины. Прошу их дать немного отдышаться на воздухе. А сам в последний раз репетирую всё в уме.

Когда потащат в машину, я снова притворюсь бессильным. Им вдвоём придётся поднимать меня. Тут уж, понятно, не составит особого труда отправить обоих в нокаут где-то за полторы-две секунды. Затем срочно запихать внутрь. Я ещё слаб, но придётся напрячься. Там быстро вколю каждому в вену ту смесь, которую приготовил накануне из реквизированных мною на блокпосте медикаментов. Шприц взят оттуда же. Этих доз хватит, чтоб парни не очнулись часа четыре. Кстати, посмотрю, может в аптечке машины есть ещё что-нибудь подобное. «Санитарка», всё-таки... Затем возьму документы и одежду старшего, а его переодену в свою. Итак, это его мы нашли только что на дороге. Этого «чужака» я положу внутри машины и запиру дверь на ключ. Водителя усажу за руль, а сам устроюсь рядом. Удобней было бы управлять автомобилем самому, но тут есть одна сложность: солдаты на блокпосте знают водителя в лицо. Здравуются с ним за руку и не просят документов. А вот старшие машины всё время меняются. Каждый раз новые. Их постовые не знают, требу-

ют предъявить документы. Это я заметил за время наблюдений. Так что буду давить на газ и крутить руль с пассажирского места. Так можно проехать, тут недалеко. А потом на большой скорости, на выезде из туннеля машина сломает шлагбаум и врежется в бетонные блоки ограждения. Надо постараться, чтоб она завалилась набок, перегородив дорогу. Я – «старший» – выйду из машины, прохриплю что-то про отказавшие тормоза, про то, что сильно ударился спиной, теперь не чувствую ног, и «потеряю сознание». Хрипеть нужно погромче, чтобы заглушить мой акцент. К сожалению, я не очень чисто говорю на этом языке. Ничего, буду побольше мычать и стонать. Представьте, но нас немного обучали и актёрскому мастерству. Должно выйти похоже... Перед тем, как «отключиться», несколько раз ткну пальцем в того, который переодет в мою одежду, и настойчиво повторяю, что это очень подозрительный тип. Мы его только что подобрали прямо на дороге. Скорее всего, шпион.

Что сделают постовые? Конечно же, сразу включают рацию и сообщают о происшествии на базу. Им ответят, что уже в курсе – в «санитарке» чужой, и с ним нужно быть осторожнее. Разумеется, солдаты посмотрят наши документы. Их не окажется только у одного, одетого в выгоревшую грязную форму. И, хотя он без сознания, возможно, его даже свяжут для надёжности. Вы думаете, кто-то будет долго и придирчиво разглядывать мою пыльную физиономию и тщательно сверять её с фотографией в документе? Как бы не

так! Элементарная психология. Всё внимание будет обращено на «чужака», уверяю вас. Ну, а если кто-то что-то заподозрит, повторюсь – у меня неплохо получается «уличный» гипноз... Возможно, солдаты даже продиктуют по радиии фамилии из наших документов. Там, на базе, это не вызовет никаких подозрений. Только будет повторен строгий приказ следить в оба за неизвестным. И будет выслана машина за ранеными. А по прибытии в лагерь наш агент, или агенты, уж постараются побыстрее встретиться со мной. Ведь на базе каждая лишняя минута будет стремительно приближать моё разоблачение. Там придётся действовать по их сценарию.

Ну, что ж? Это план... Как пойдёт сейчас, посмотрим. Может, придётся импровизировать на ходу, что бывает чаще всего. В конце концов, если у меня не получится, я просто снова уйду в Пустыню. Они не смогут меня остановить.

Итак, парни, помогите-ка мне подняться...

...Вертолёт зависает в полуметре над площадкой, поднимая в воздух тучу пыли и колючек. Те, кто на земле, как по команде хватаются за головные уборы, пригибают головы и жмурятся, становясь от этого похожими друг на друга. Я плотно закрываю глаза и сжимаю губы. Из-за свиста винтов и шума двигателя ничего не слышно. Люди общаются жёсткими. Но всё отлажено и так – погрузка раненых проходит

быстро. Меня на носилках загружают вторым. Вскоре вертолёт поднимается и улетает, унося нас на своём борту.

Оглядываю находящихся рядом людей. Раненые, погруженные вместе со мной, лежат на носилках на полу салона. Оба живы и, вроде, целы. Два солдата при полном вооружении и офицер сидят недалеко от меня и разглядывают карту. Фельдшер, прилетевший на вертолёте принять нас, что-то озабоченно ищет в своей полевой сумке. В глубине салона сидят ещё два человека, одетые по-походному, но в штатское. Они обвешаны фототехникой и у каждого на шее болтается шнурок с пропуском. Понятно, пресса...

Один из них пытается сфотографировать нас, но офицер, на мгновение оторвавшись от карты, закрывает рукой объектив фотоаппарата и отрицательно мотает головой. Репортер недовольно хмурит брови. Я вспоминаю, что несколько раз видел его на новостных телеканалах. Он обращается к своему коллеге, чтобы высказать возмущение. Тот возится со своим фотоаппаратом, наконец, поднимает лицо, сочувственно кивает ему и смотрит на нас. Встречаемся с ним взглядами. Губы не слушаются, и я снова сжимаю их, чтобы не расплыться в улыбке.

Командир!!! Ну, надо же!.. Представляю, чего стоило ему выпросить у начальства личное участие в моей эвакуации. А ведь остальные присутствующие даже не догадываются, кто мы с ним такие на самом деле. Я кусаю губу, а глаза предательски горячат. Слеза скатывается к виску, оставляя чёр-

ную дорожку на моём запылённом лице. Значит, наши тогда дошли! Уцелели. Выполнили задачу. Это самое главное: мы выполнили задачу. Не могу сказать вам, что они сделали. Не имею права. Секретность сверхвысокая. Но это было так важно! И прежде всего для моей страны. Уж поверьте на слово...

Командир незаметно подмигивает мне. Затем проводит по лбу ладонью, как бы стирая пот, расправляет на себе куртку и поудобнее перекладывает на коленях походную сумку. Трогает пропуск на шнурке.

Понятно. Когда мы прибудем на место, я должен буду умыть лицо от пыли, переодеться в одежду, которая приготовлена у него в сумке, и нацепить такой же пропуск. Мы оба сотрудники известной на весь мир влиятельной медиакорпорации. Аккредитованные журналисты. Что ж, неплохая легенда... Так, пожалуй, проще всего. Постараемся выбраться без проблем.

Незаметно смотрю на командира. Он продолжает увлечённо возиться со своим фотоаппаратом. Что-то там у него не получается. Его коллега-журналист, которому запретили нас снимать, пытается помочь советом. Командир что-то резко отвечает ему, отворачивается, достаёт из сумки инструкцию и начинает сверяться с ней. Придвигается ближе к иллюминатору. Лицо его теперь ярко освещено. Читает внимательно, погружаясь в это занятие с головой. Смотрит то в книжку, то на фотоаппарат. Лоб наморщен, губы шевелят-

ся. Так проходит пара минут. Наконец, он случайно смотрит в мою сторону, и я коротко киваю. Командир облегчённо вздыхает, прячет книжку, теряет к фотоаппарату всякий интерес и с безразличием смотрит в иллюминатор. Я тоже облегчённо вздыхаю. Всё-таки хорошо, что нас учили читать по губам. Это нужно, когда наблюдаешь за противником в мощную оптику. И сейчас вот пришлось как нельзя кстати. Инструкция о моих дальнейших действиях понятна.

А ведь ловко придумано! Когда нас, раненых, выгрузят из вертолётa и повезут с аэродрома в полевой госпиталь, представители прессы поедут с нами. От госпиталя им легче добраться до штаба лагеря. Командир задержится у приёмного модуля. Солдаты внесут всех доставленных в приёмное отделение и уйдут по своим делам дальше. В модуле, кроме раненых, останутся только дежурный врач и фельдшер, прибывший с нами на вертолётe. Может быть ещё офицер спецслужбы, чтобы уточнить, когда можно будет приступить к допросу подозрительного субъекта.

Тогда войдёт командир. Вернее, навязчивый журналист. У него есть с собой прекрасное средство отправить ненужных свидетелей в непродолжительное, но глубокое забытьё. Так, чтобы те ничего и не поняли. Отличный газ! Человек засыпает почти мгновенно. Нам придётся задержать дыхание на время, за которое я должен буду успеть умыться лицо и переодеться. Мы выйдем в другую дверь. Само собой, обе двери модуля мы запрем ключами, одолженными у дежурного

врача. Чтоб какой-нибудь неожиданный визитёр не поднял шум раньше времени. Дальше – на автомобиле прессы мы спешно покидаем лагерь. Документы в порядке. Мы – два корреспондента, срочно едем в город, находящийся в десяти километрах к северу. Представителей прессы здесь сейчас полно, солдаты меняются на контрольно-пропускном пункте каждый день и не знают всех в лицо. Мы раздражены, потому что опаздываем. Дело особой важности! Документы справлены так, что выпустят без проблем. А решат проявить излишнюю бдительность, так не заметят, как вдохнут то же чудодейственное средство. Вся дежурная смена отправится в крепкий здоровый сон. Или же командир вновь удивит меня своими способностями к гипнозу... И пока в лагере будут разбираться, что же произошло, мы в городе уже будем поодиночке входить в здание аэропорта в другой одежде и, разумеется, с другими документами, чтобы покинуть страну на пассажирском авиалайнере.

Что ж, должно получиться... Я уверен, что командир спланировал всё до мелочей. Всё подготовил. Думаю, даже взял утром интервью у дежурного врача после того, как получил инструкцию из Центра о моих намерениях.

Лететь в вертолёте ещё минут десять. Я лежу на полу, поэтому в иллюминатор мне видно только небо. Синее-синее! Ни облачка! Где-то далеко – или, может, привиделось – чёрная точка. Орёл... Вечный мудрый страж Пустыни. На кого ты смотришь сейчас со своей гордой высоты? Выискиваешь

добычу? А может, снова равнодушно глядишь на маленькую группу измождённых людей, бредущих навстречу опасности и неизвестной Судьбе?

Пустыня огромна... И прекрасна в своей величественной отрешённости от мирской суеты. А ещё она вечна. Как вечен этот мир, и я в нём, и все мы, жившие и будущие когда-нибудь жить. От бактерии до человека. Мы все уже существуем. Сейчас. Мы и есть этот мир. Состоим из одних и тех же частиц. Кирпичиков. Как огромная Пустыня из песка. А наша внезапная индивидуальность, жизнь, смерть – лишь игра ветра с песчинками.

Ветер разметает барханы и создаёт новые. Сколько их было, этих барханов?! Сколько будет ещё? Великое множество... Но все они и есть, в конечном счёте, просто необъятное море песка. Мелких частиц, постоянно перетекающих из одной горы в другую. Ветер зачёркивает очередной бархан. Как очередной неправильный ответ на вечный вопрос. Выходит, ветер – Творец? Нет. Всего лишь инструмент. Что стоят его творения по сравнению с Вечностью? Он сам – порождение Пустыни. Но кто или что такое Я? Тоже всего лишь игра ветра. Вечного ветра в бесконечной Пустыне. Это Истина.

Так в чём же смысл? Мне нужно будет его поискать. Враг мой! Не солгал тогда тебе: я должен буду что-то понять! По крайней мере, попытаюсь...

А пока мне ещё не раз придётся идти навстречу опасности. Днём и ночью. В холод и в зной. В лесах, в песках, в

скалах, в снегах. На суше и в море. В городах или пустошах. Протекторы моих ботинок опять забиты пылью странствий. Когда-нибудь они снова очистятся. Наверняка. Но не сейчас. Не сейчас...

Ухмыляюсь, вспоминая недавнюю мысль о дезертирстве. Глупость, конечно! Моё предназначение – заниматься именно тем, чем я занимаюсь. И ничем больше. По крайней мере, пока...

До избавления из плена осталось совсем чуть-чуть. Рядом самый надёжный человек на свете – мой командир. Всё должно получиться. Интуиция редко меня обманывала. Орёл, парящий в небе – добрый знак. Это к Удаче... Я смотрю и смотрю в бесконечную синь. В чём смысл? Ответ уже так близок! Чувствую, что ещё немного, и я пойму. Вот-вот пойму самое главное.

И за это спасибо тебе, Пустыня...